

Здесь и сейчас

**СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ПРОЕКТИРОВАНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ:
СУБЪЕКТЫ, ПРОЦЕСС, ПРОБЛЕМЫ¹**

А.Н. Кулик

Институт научной информации по общественным наукам РАН

Аннотация: *Стратегическое проектирование является важнейшим компонентом стратегического государственного управления. Его функция — разработка долгосрочных программ социально-экономического и институционально-политического развития общества. Рассматривается разработка и воплощение в жизнь программно-стратегических документов в постсоветской России, роль государства, гражданского общества и экспертного сообщества в разработке национальных стратегий развития, а также проблемы на пути внедрения стратегического управления в практику государства. Исследование основано на оценках авторитетных экспертов и данных опросов общественного мнения о состоянии российского общества. Большинство использованных источников доступно читателям онлайн.*

Ключевые слова: *государственное управление, стратегическое проектирование, программно-стратегические документы, режим правления, политическое участие, гражданское общество, интеллектуальная элита.*

Стратегия России в XXI веке — это стратегия прорыва в будущее, достижения новых рубежей, превращения в передовое постиндустриальное государство, обеспечивающее высокий уровень жизни всем своим гражданам, достойное место страны в мировом сообществе.

Журнал Стратегия России, 2017.

В последние десятилетия в мире отмечается последовательный рост внимания научно-экспертного сообщества и специалистов в сфере государственного управления к стратегическому проектированию. Последнее рассматривается как важнейший компонент стратегического управления, функция которого — разработка долгосрочных программ социально-экономического и институционально-политического развития общества [Политическое проекти-

¹ В статье получили развитие основные положения доклада, представленного автором на Всероссийской научной конференции РАН, РАНХиГС при Президенте РФ «Россия в условиях новой политической реальности: стратегия и методы развития», 25–26 ноября 2016 г., г. Москва.

рование 2016: 5]. Не в последнюю очередь это связано с тем, что современное сложное общество все больше становится обществом риска, в котором производство рисков превалирует над производством богатства, и которое вынуждено существовать в условиях глобальных угроз и опасностей [Бек 2000]. Как констатирует политолог и экономист Александр Неклесса: «Сегодня мы живём в потоке галопирующих перемен с возрастанием ставок — даже не бифуркаций, а полифуркаций» [Неклесса 2016а]. Управление на основе национальной стратегии развития — это способ минимизировать неизбежные риски и максимизировать открывающиеся возможности при прохождении нацией критических развилок на траектории развития в стремительно меняющемся окружении.

Будущее нации является продуктом ее коллективной целенаправленной деятельности. Как и любая осмысленная деятельность, она предваряется созданием виртуального образа желаемого для страны будущего, то есть проектируемого результата предполагаемой деятельности. Если же нет разделяемого большинством общества этого образа будущего как цели, теряется мотивация развития, пропадает смысл самого бытия нации, происходит дезинтеграция и деградация общества, растут социальное отчуждение и аномия. Основу *стратегического проектирования* составляет создание такого образа и формирование приоритетов и целей государственной политики, обеспечивающей его воплощение в жизнь. Стратегия — это траектория изменения институтов и политики государства, «соединяющая» текущее состояние с желаемым [Полтерович, 2008]. Стратегическое проектирование предстаёт, следовательно, как процесс *познания и созидания будущего*².

Ведущим субъектом стратегического проектирования на национальном уровне является государство, а выработка программно-стратегических целей и задач развития общества относится к его главным политическим функциям. Это аксиоматическое положение *теории государства и права* воспринимается и на уровне массового сознания. Как показало общероссийское репрезентативное исследование Института социологии РАН, «правильное целеполагание для оптимального стратегического и тактического развития нации» граждане считают одной из важнейших функций государства [О чем мечтают ... 2013: 323].

Только государство, как институт, организующий жизнедеятельность общества, обладает легальными полномочиями принимать на национальном уровне стратегические решения и распоряжаться необходимыми для их исполнения общественными ресурсами. Оно несёт делегированную обществом главную ответственность за будущее страны и, соответственно, за создание и воплощение в жизнь национальной стратегии развития. Однако реализуемость стратегии зависит от того, насколько заявленные в ней цели развития и образ будущего соот-

² Понятие *политика* тесно связано с деятельностью государства. В своем аутентичном значении оно охватывает государственные или общественные (public) дела. В современном демократическом дискурсе политика (внутренняя) предстаёт, прежде всего, как сфера взаимодействия государства и ассоциаций граждан. Хотя понятие *государство* априори кажется самоочевидным, его единого общепризнанного определения не существует ни в политической науке, ни в социологии, ни в международном праве. Использование того или иного определения каждый раз диктуется контекстом. В данном контексте под государством (state) понимается «Система политических институтов, занимающихся организацией общественной жизни на определённой территории» [Политика... 2001]. Взаимодействие государства и граждан предполагает участие последних в деятельности «системы политических институтов», т. е. *политическое участие*. Оно, прежде всего, является атрибутом гражданственности, отличающим *граждан от обывателей*, не обладающих (или не пользующихся) политической субъектностью. Право граждан России участвовать в управлении делами государства, а, следовательно, и в формировании национальной стратегии развития, закреплено Конституции и, согласно ст. 80, должно быть обеспечено Президентом РФ как ее гарантом. Владимир Путин в своей программной предвыборной статье в феврале 2012 г. подтвердил приверженность этому конституционному принципу: «Демократия, на мой взгляд, заключается как в фундаментальном праве народа выбирать власть, так и в возможности непрерывно влиять на власть и процесс принятия ею решений» [Путин 2012].

ветствуют представлениям о них общества, а также от наличия совокупной воли к успеху³. По опыту демократических государств, основными акторами стратегического проектирования⁴ наряду с высшими институтами государства выступают структуры гражданского сектора. И чем масштабнее намечаемые преобразования, тем большее участие в разработке таких планов принимают гражданские ассоциации [Соловьев 2015: 581].

Формирование государством долгосрочной стратегии развития сегодня как никогда актуально для России. Историк, академик РАН Юрий Пивоваров так видит ситуацию, в которой находится страна: «... на ход исторического процесса в России сильное влияние оказывало качество ее государственных институтов. За минувшее столетие наша страна дважды переживала их внезапный и стремительный крах — в 1917-м и в 1991 году. При этом в обоих случаях не было объективных причин, придающих этим событиям неизбежный характер. ... Мы живём в условиях слабого и пассивного общества, застывшей и окаменелой политической системы. При этом экономика страны с каждым годом становится все более отсталой, ее технологический уклад чудовищно устарел, стремительно ветшает и деградирует социальная инфраструктура (медицина, образование и наука). ... Ситуацию усугубляет политическая и экономическая изоляция и самоизоляция России последних лет. Россия отчаянно нуждается в переменах — если этого в обозримой перспективе не произойдет, то нас ждут трудные времена и неясное будущее» [Пивоваров 2016].

На критические внутренние проблемы страны накладываются не менее серьёзные вызовы, обусловленные очевидным кризисом глобальной модели развития⁵. Этот сложный комплекс проблем требует адекватной реакции со стороны государства. В неустойчивом, стремительно меняющемся мире, когда сама скорость изменений становится существенным фактором, долгосрочная национальная стратегия должна служить надёжным инструментом развития страны и обеспечения ее национальной безопасности.

Государственное управление на основе национальной стратегии развития составляет альтернативу персонифицированному «ручному» управлению. Оно, в определении Григория Клейнера, является:

³ Принятая Генеральной Ассамблеей ООН в декабре 1986 г. *Декларация о праве на развитие* определяет развитие как всесторонний экономический, социальный, культурный и политический процесс, направленный на постоянное повышение благосостояния всего населения и всех лиц на основе их активного, свободного и конструктивного участия в создании и справедливом распределении благ [Декларация ... 1986].

⁴ В профильной литературе термины *стратегическое проектирование* и *планирование* часто используются как синонимы, иногда — как различные стадии стратегического управления. При этом одни авторы считают, что планирование предшествует проектированию, другие — что стратегическое проектирование служит основой разработки планов деятельности по воплощению проектов в жизнь. Но анализ этих разночтений выходит за рамки предмета настоящей статьи.

⁵ Как констатирует Михаил Хазин: «Сегодня мир стоит перед принципиальным, радикальным сломом. Последний раз в истории такая ситуация сложилась в Европе в XVI–XVII веках, когда после более чем тысячи лет христианства начался жесточайший слом в идеологии и экономике феодализма. Это было крайне тяжёлое время, и не дай бог, чтобы оно повторилось. Чтобы этого избежать, необходимо ещё до того, как перемены разрушат все защитные цивилизационные механизмы, предложить новые идеи, не менее цивилизационные по масштабу. Но они пока не найдены [Хазин 2012].

Не все аналитики-глобалисты разделяют апокалиптический прогноз, но большинство сходятся в том, что глобальный контекст, в котором существует страна, становится все менее предсказуемым. На фоне атрофии системы экономических и политических взаимоотношений, созданной после Второй мировой войны, происходят глубокие изменения в структуре мировой экономики, связанные с исчерпанием потенциала роста на базе нынешнего технологического цикла, а новая модель устойчивого роста пока не найдена. Идёт эрозия глобального правового порядка, углубление противоречий между ведущими мировыми силами парализует систему ООН. Обостряется борьба за национальную и религиозную идентичность и самоопределение, за передел границ по национальному и религиозному принципу. Растёт число конфликтов под этническими и религиозными лозунгами [Безруков, Сушенцов 2015].

- антикоррупционным средством;
- антикризисным средством;
- антиосцилляционным средством;
- средством преодоления «экономики физических лиц»;
- средством деперсонификации и объективизации управления, снижения издержек при смене лидера (стареющие лидеры не останутся навечно);
- средством дефрагментации экономики;
- средством гармонизации социально-экономического пространства и динамики развития России [Клейнер 2011].

Стратегические проекты получают политико-правовое оформление в виде программно-стратегических документов, имеющих нормативный характер. Они фиксируют принятые *цели* долгосрочной политики государства и *способы их достижения*, включая распределение бюджетных средств⁶. В мировой практике такие документы служат инструментом осуществления социально-экономических и политических реформ и модернизации. Во многих развивающихся странах их разработка и реализация способствовала переходу этих стран в категорию развитых. Хрестоматийным примером успешного использования этого инструмента развития служат восточноазиатские «тигры»: Япония, Южная Корея, Тайвань, Сингапур [Шубенкова 2014: 8].

В постсоветской России в процессе перехода от административно-плановой экономики к рыночной в начале 1990-х годов практически все институты государственного планирования были ликвидированы, и концептуальных стратегических документов, определяющих развитие страны на долгосрочный период, не создавалось. Исключением стала «Государственная стратегия устойчивого развития РФ до 2005 г.», разработанная по указу Президента РФ Бориса Ельцина от 01.04.1996 г. и одобренная правительством в декабре 1997 года. Но, несмотря на одобрение правительством, этот документ не был утверждён, и уже в конце 1990-х гг. его перестали упоминать на государственном уровне и в СМИ.

Разработка программно-стратегических документов активизировалась с приходом к руководству страной Владимира Путина. В начале 2000 года специально созданный Центр стратегических разработок (ЦСР) параллельно с работой над предвыборной программой Путина начал готовить «Основные направления социально-экономической политики правительства на долгосрочную перспективу» («Стратегия-2010»).

В последующие годы на федеральном уровне был принят целый ряд амбициозных стратегических документов. В марте 2002 г. Президент РФ В. Путин утвердил «Основы политики РФ в области развития науки и технологий на период до 2010 г. и дальнейшую перспективу». В августе 2005 г. Правительством приняты «Основные направления политики РФ в области развития инновационной системы на период до 2010 г.». Ключевые положения этого документа были заложены затем в «Концепцию долгосрочного социально-экономического развития РФ до 2020 г.» (КДР 2020), утверждённую в 2008 году распоряжением Правительства под председательством Путина. На её базе подготовлена и в декабре 2011 г. утверждена «Стратегия инновационного развития РФ на период до 2020 г.»⁷. В феврале 2014 г. Правительство утвердило «Прогноз научно-технологического развития на период до 2030 г.» в качестве «од-

⁶ Из всего желаемого целями практической деятельности государства становится только то, что реально достижимо, то, для чего у государства достаточно ресурсов.

⁷ При этом участники семинара по проблемам формирования и реализации государственной политики, обсуждая активизацию создания программно-стратегических документов, уже в 2011 г. отмечали «переход стратегического процесса на чисто формальные рельсы, ориентацию разработки стратегии не на стратегическое управление, а на удовлетворение требований начальства». По выражению Ю.А. Тихомирова: «страна опьянена нормативной лавиной, «цунами» документов. Эта игра вокруг документов создаёт иллюзию действия» [Клейнер 2011: 74].

ного из основных элементов системы стратегического планирования развития РФ» и «единой платформы для разработки долгосрочных стратегий, целевых программ, прогнозных и плановых документов среднесрочного характера по модернизации экономики и инновационному развитию» [Прогноз... 2014]. В июне того же года был принят Федеральный закон «О стратегическом планировании в Российской Федерации» [Федеральный закон... 2014].

Тема государственного стратегического управления является предметом постоянной политической и научной дискуссии. Ещё в 2010 году отмечалось, что создание программно-стратегических документов федерального уровня не приводило к достижению заявленных в них целей [Кувшинова 2010]. В целом, они не были доведены до значимой практической реализации, не смогли должным образом повлиять на реально проводимую политику и предотвратить накопление негативных явлений в экономике, о котором предупреждало власть экспертное сообщество, и которое, в конечном счёте, привело ее к кризису и стагнации, усугубившись с падением цены на нефть и санкциями Запада⁸.

Так, *Стратегия 2010* была выполнена по оценке ЦСР примерно на 36 %, а, по мнению одного из ее основных разработчиков Евгения Ясина, — на 10–15 %. Стратегия предусматривала реформы власти (законодательной, судебной, исполнительной ветвей, а также правоохранительной системы), реформы социальной сферы (пенсионной, здравоохранения, образования, жилищной, трудовых отношений) и реформы экономики (создание наиболее благоприятных условий для предпринимательства через дерегулирование экономических отношений). После сдачи документа заказчику его первый раздел — реформы власти — был попросту изъят. В урезанном виде документ в июне 2000 г. был одобрен правительством, но в качестве нормативного акта принят не был. В социальной сфере — в пенсионной системе, здравоохранении, в жилищно-коммунальном хозяйстве — ощутимых достижений не оказа-

В сентябре 2014 г. на Конференции по проблемам законодательства было отмечено, что активное создание политическим руководством страны программно-стратегических документов стало одним из заметных трендов последних лет. Приводились данные о действующих на это время президентских и правительственных документах. В их числе стратегий (национальных и государственных) — 20, концепций — 16, доктрин — 6, национальных планов, основ государственной политики — 5. Одни исходящие от Президента РФ документы введены в действие его указами, другие — распоряжениями, третьи — просто «утверждены Президентом». Часть документов, исходящих от Правительства РФ, «утверждена» его постановлениями, часть — распоряжениями; какие-то документы «одобрены» распоряжением Правительства, какие-то — «одобрены» его постановлением. Субъекты РФ издают свои собственные стратегии, концепции, доктрины. Логически оправдана определённая последовательность разработки стратегических документов: доктрина — концепция — стратегия. На основании доктрины вырабатывается концепция, которая должна быть реализована в стратегии; в такой последовательности уменьшается уровень абстракции и возрастает степень нормативности документов. Однако в практике документотворчества эта логика зачастую не соблюдается: между принимаемыми доктринами и концепциями, концепциями и стратегиями не просматривается чёткой содержательной грани [Мушинский 2015]. Журналисты «Ведомостей» в беседе Германом Грефом дали жёсткую оценку ситуации с разработкой программно-стратегических документов: «Со стороны очевидна постоянная деградация исполнительной власти, целых ведомств. Готовятся огромные бессмысленные, бессодержательные концепции, безграмотные законопроекты. Бюрократическая машина работает без остановки и без особого смысла». Соглашаясь с ними, Греф привёл свой диагноз проблемы: «Это типичная ситуация — когда машина не нацелена на результат, она генерирует процесс. Клиентами этой машины являются не граждане, а руководство, которое, в свою очередь, не получая результата, даёт новые поручения в ещё более жёсткой форме. Машина от страха начинает генерировать ещё больше документов, пытается угадать волю принципала и отрываясь от содержания» [Воронова, Боянова, Стеркин 2015].

⁸ Греф на совещании в Общественной палате в декабре 2014 года констатировал: «Санкции добавили негатива, но давайте не сваливать все на санкции. У нас куча собственных проблем, мы бы и так имели без всяких санкций в следующем году или нулевой, или отрицательный рост. Поэтому вопрос в нас, а не в санкциях» [Герман Греф ... 2014]. Об этом же говорит экономический аналитик Виталий Тарлавский: «Западные санкции объясняют рецессию экономики лишь на 10%. Основные причины экономического кризиса в России — отсутствие давно назревших реформ в экономике и сырьевая зависимость, отчётливо проявившаяся после значительного падения цен на нефть» [Тарлавский... 2015].

лось [Ясин 2010]. Все острые проблемы общества, которые предполагала решить *Стратегия 2010*, остались в наследство разработчикам последующих стратегий.

Заявленной целью Концепции долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2020 г. (КДР 2020), разработанной по поручению Путина (он занял пост премьер-министра в мае 2008 г.) и утверждённой распоряжением правительства от 17.11.2008, еще за два года до окончания срока действия предыдущей Стратегии 2010, стало «определение путей и способов обеспечения в долгосрочной перспективе (2008–2020 годы) устойчивого повышения благосостояния российских граждан, национальной безопасности, динамичного развития экономики, укрепления позиций России в мировом сообществе». Ее выполнение, как было заявлено, должно было обеспечить «достижение уровня экономического и социального развития, соответствующего статусу России как ведущей мировой державы XXI века, занимающей передовые позиции в глобальной экономической конкуренции и надёжно обеспечивающей национальную безопасность и реализацию конституционных прав граждан». Декларировалось, что уже на первом этапе будут достигнуты основные целевые макроэкономические индикаторы (2012 год к 2007 году):

- рост валового внутреннего продукта — 137–138 %;
- рост производительности труда — 140–141 %;
- рост реальных располагаемых доходов населения — 153–154 %;
- рост инвестиций в основной капитал — 180–185 % [Концепция 2020... 2008].

Прогнозировалось быстрое снижение доли топливно-энергетического сектора в экономике страны за счёт роста сектора услуг и промышленного производства.

КДР 2020 утратила актуальность сразу же после ее подписания. Уверенность Дмитрия Медведева, сменившего Путина в 2008 году на посту Президента РФ, в том, что Россия останется «островком стабильности в океане финансовых страстей», не оправдалась. Захвативший Россию финансовый кризис 2008–2009 годов сделал *КДР 2020* неосуществимой. Уже в 2009 г. на 7,8 % сократился ВВП, в 2014–2015 гг. резко — до 11–12 %. выросла инфляция. Но формально *КДР 2020* отменена не была и остаётся действующей.

В 2011 г. к третьему президентскому сроку Путина была подготовлена «Стратегия-2020: Новая модель роста — новая социальная политика». Она охватывала практически все сферы жизнедеятельности общества — образование, здравоохранение, социальную политику, пенсионную систему, бюджет, управление госсобственностью и др., кроме *политической*. В ее разработке участвовало около 1000 экспертов Высшей школы экономики и Российской академии народного хозяйства и госслужбы, а также более 100 зарубежных экспертов, организованных в 21 группу по различным направлениям. 13 марта 2012 г. они представили 864-страничный итоговый доклад с результатами своей работы. В момент обнародования *Стратегии* критики расценили ее как «*просто набор лозунгов и пожеланий нашего Правительства, ничем не подкреплённых*», и выразили сомнение в том, что нынешнее руководство страны сможет реализовать ее основные положения. Стратегия так и не была рассмотрена и утверждена правительством и уже в том же 2012 г. об этом стратегическом документе и целевых показателях, которые в нем ставились, мало кто вспоминал. «Стратегия», как написала «Финансовая газета», «потихоньку выходит из моды» [Андрианов 2012].

Эта стратегия, предполагавшая переход России на постиндустриальную модель развития, была, как подчеркнул ректор РАНХиГС Владимир Мау, продуктом интеллектуального творчества экспертов, инициированного Путиным. Ведущие эксперты, участвовавшие в ее разработке, получили государственные награды, но стратегия так и осталась проектом, не имеющим правового характера, который делает обязательным воплощение программно-стратегических документов в жизнь. «Дело эксперта — говорить, что он думает, а дело полити-

ка — реализовывать то, что он считает правильным», — резюмировал Мау [Кувшинова, Шляпникова 2015].

После того как в мае 2012 г. в России было сформировано новое правительство под руководством Медведева, вернувшегося на свое место после «рокировки тандема», его главными ориентирами стали так называемые майские указы 2012 г., подписанные Путиным при вступлении в должность Президента РФ. В 11 указах содержалось 218 поручений со сроком выполнения до 2020 г.

Но, по свидетельству экс-министра финансов и нынешнего председателя Совета ЦСИ Алексея Кудрина, майские указы не были увязаны с ресурсами⁹, основные направления деятельности правительства оставались скорее декларативными и реформ не содержали [Кувшинова, Лютова 2015]. В оценке Евгения Гонтмахера, зам. директора по научной работе Института мировой экономики и международных отношений, «эти документы (стратегии), разработанные лучшими профессионалами страны, почему-то так и остались ворохом бумаг. Жизнь в России пошла совершенно другим путём: вместо модернизации страны мы получаем ее архаизацию, вместо диверсификации экономики — ее ещё большую примитивизацию, вместо развития человека — его деградацию как гражданина и работника» [Гонтмахер 2016].

Создававшиеся до настоящего времени национальные стратегии в целом не смогли придать государственному управлению те качества, которые, в определении Клейнера, делают его *стратегическим*. Реальная стратегия власти, как считает Андрей Колесников, руководитель программы «Российская внутренняя политика и политические институты» Московского Центра Карнеги¹⁰, в том, чтобы «не иметь никакой стратегии» [Колесников 2015а].

Однако принятый в 2014 г. закон о стратегическом планировании предусматривает, разработку и утверждение правительством стратегии социально-экономического развития страны каждые шесть лет. Закон даёт определение стратегии как документа, содержащего систему долгосрочных приоритетов, целей и задач государственного управления, направленных на обеспечение устойчивого и сбалансированного социально-экономического развития РФ. Принцип *единства и целостности* системы государственного планирования, заявленный в законе, устанавливает, что стратегия социально-экономического развития РФ является основанием для разработки документов целеполагания по отраслевому и территориальному принципу, направлений деятельности правительства РФ и планов деятельности федеральных органов исполнительной власти, государственных программ, а также — стратегий социально-

⁹ Так, по оценке РБК (РосБизнесКонсалтинг — независимый медиахолдинг, включающий одноимённый телеканал, интернет- и печатные СМИ), ни одна из пяти задач по достижению экономических показателей к 2018–2020 годам, поставленных первым майским указом о долгосрочной государственной экономической политике, скорее всего, выполнена не будет. Так, инвестициям в основной капитал было предписано вырасти до 25 % ВВП к 2015 году и до 27 % ВВП к 2018 году. Но в 2015 году этот показатель составлял только 19,6 % ВВП, а в 2016 году — 20,4 %. Недостижимой выглядит цель увеличить к 2018 году производительность труда на 50 % относительно 2011 года. По данным Росстата, с 2012 по 2015 год производительность труда увеличилась лишь на 4 %, в 2016 году, по данным Минэкономразвития, она выросла на символические 0,1 %. Чтобы достичь заданной указом цели, производительность должна расти в оставшееся время на 20 % ежегодно [О чем умолчало правительство... 2017]. Как отмечает НГ, за последние девять лет ежегодный прирост ВВП в стране был в среднем менее 0,2 %. Уже к 2020 году Китай, Индия и Турция обгонят Россию по номинальному душевому ВВП. К 2035 году Россия может опуститься в глобальном рейтинге экономик с 6-го места на 10–15-е места (расчёты аппарата бизнес-омбудсмена Бориса Титова). По объёму производства на душу населения России, вероятно, скатится с нынешнего 52-го места в мире на 65–70-е место [Россия переходит ... 2017]. Комментируя проект бюджета на 2018 год, Андрей Мовчан, директор программы «Экономическая политика» Московского Центра Карнеги, приходит к выводу, что его структура мало отличается от бюджетов предыдущих лет — и по доходам, и по расходам. Это говорит о том, что, с одной стороны, нет катастрофы в экономике. С другой стороны — с каждым таким бюджетом остается все меньше надежды на перемены [Мовчан 2017].

¹⁰ Аналитический центр, занимающийся с 1993 года изучением проблем российской внутренней и внешней политики, общества, международных отношений, международной безопасности, экономики.

экономического развития и др. целеполагающих документов субъектов РФ и муниципальных образований. Таким образом, стратегия должна служить *основным* документом стратегического управления. В соответствии с требованием закона в июле 2015 г. началась работа над стратегией развития России на ближайшие 15 лет, *Стратегией-2030*.

Михаил Абызов, министр по вопросам открытого правительства, которому в июле 2015 г. было поручено создать рабочую группу для подготовки очередной стратегии, признал, что «По большому счёту в России опыт реализации стратегий социально-экономического развития вообще отсутствует». Как он полагает, принятию и реализации *Стратегии-2020* мешало, прежде всего, то, что в ее разработке не участвовали управленческие элиты [Фомченков 2016].

Член Экспертного совета при Правительстве РФ Александр Аузан выделяет *главное*, чего не хватало предыдущим стратегиям. За все 15 лет «стратегирования» не был даже поставлен вопрос о выборе *пути развития России*, ее приоритетах. Сменив величественное прошлое, трудное настоящее не смогло прояснить будущее [Тарлавский 2015]. Размышляя над тем, кто станет «движителем» новой стратегии, Аузан полагает, что это — образованная часть российской бюрократии: «Бюрократия у нас — это хозяйствующий класс, который несёт определённую ответственность и понимает, что надо вырывать из существующих проблем куда-то» [Неякин 2015]. Но именно это предположение внушает сомнение Тарлавскому, считающему, что российская бюрократия «хозяйствует, производя административный ресурс и потребляя административную ренту. Поэтому изменения любого масштаба объективно приведут к ограничению данных источников обогащения» [Тарлавский 2015].

Стратегия-2030 стала главной темой дискуссий на Красноярском экономическом форуме (КЭФ 2016), собравшем более шести тысяч экспертов, чиновников и представителей бизнеса. Было высказано немало суждений о том, какой должна стать новая стратегия. Так, заместитель министра экономического развития РФ Олег Фомичев, резонно предположил, что стратегия должна быть не стратегией министерства и даже не стратегией правительства. Ее заказчиком должен выступать президент. «Потому что если это стратегия развития страны, то главный человек в государстве должен быть тем самым заказчиком, который потом эту стратегию использует, что называется, в реальной жизни» [Лопухин 2016]. Однако, такая постановка влечёт за собой *публично акцентированную персональную ответственность президента за воплощение стратегии в политику государства и за ее результаты*, что никогда не предполагалось предшествовавшими стратегиями.

При обсуждении стратегии представители правительства стали, наконец, говорить о создании концептуального образа будущего, о том, какими должны стать в 2030 г. основные государственные, экономические и общественные институты. Так Фомичев, косвенно признавая бесцельность предыдущих попыток, признался: «Очень не хочется писать очередной дежурный документ. Нам нужно на начальном этапе этот образ России-2030 сформировать» [Лопухин 2016].

Предусмотренные законом сроки подготовки стратегии нарушались, и в закон «О стратегическом планировании» пришлось вносить поправки. Изменился горизонт проектирования; документ стал называться *Стратегии-2035*, и правительство обязано теперь завершить его разработку до января 2018 года, т. е. к новым выборам президента, а разработку нормативных актов, регулирующих порядок применения стратегии, — до января 2019 года. Работа над *Стратегией-2035* ведётся Минэкономразвития с участием Экспертного совета при Правительстве РФ совместно с ЦСР [История проектов... 2017].

Снова повторяется история с презентацией очередной стратегии непосредственно к президентским выборам. А что дальше? Как считает Александр Мельников, все предыдущие стратегии неизбежно показывали, что у власти нет политической воли для осуществления ре-

форм. Они использовались как инструмент для выпуска пара у экспертного сообщества и неоднократно разочаровывали авторов смелых идей полнейшим отсутствием их реализации. И менять эту модель в политическом руководстве никто не собирается [Мельников 2016].

Александр Рубцов, руководитель Центра исследований идеологических процессов отмечает, что создание стратегических планов и программ в России не ориентировано на практический результат. Их составление, продвижение и принятие, в конечном счёте, оказывается важнее реализации. «Ещё не вышел срок реализации предыдущего проекта, а уже спешно начинается подготовка следующего — и с большим запасом времени». Такое наложение временных рамок, как он считает, не случайно — оно снимает необходимость отчитываться за реализацию предыдущего проекта и брать за неё ответственность¹¹. Новый проект возникает как реинкарнация старого, с повторами на уровне постановки задач и путей их решения, вызывая ощущение «дежавю». Меняется только тональность. Так, по его словам, поскольку мы не «снялись с иглы» и не приблизились к преодолению технологического отставания, «делать прежний акцент с придыханием на постиндустриальной фазе, на новом технологическом укладе, на модернизации и инновациях»¹², уже бесполезно. Прежде всего, нужно переформулировать проблему: не что мы хотели бы сделать, а что мы считаем *необходимым преодолеть*, для того чтобы выйти из порочного круга хождения в колею по граблям. И только анализ прошлых ошибок и мешающих (иногда фатально) факторов может дать такую возможность [Рубцов 2017].

Ограничения режима правления. В международной практике прогнозно-стратегические документы служат инструментом проведения реформ, повышающих эффективность государственного управления; они формируют долгосрочную государственную политику развития. Однако в России их принятие, как уже отмечалось, не оказывало существенного влияния на политику, реально проводимую властью¹³. Продвижение России в будущее в последнее, но вполне продолжительное время, отмечает Неклесса, «мыслится как обустройство улучшенной версии настоящего. Настораживало же и отрезвляло умножение симптомов неорархаизации» [Неклесса 2016a].

Исследователь ВШЭ Александра Шубенкова, посвятившая диссертацию анализу роли программно-стратегических документов в государственной политике РФ, приходит к выводу, что их импотенция обусловлена спецификой режима правления, приоритетом для которого является сохранение политического статус-кво, в то время как реализация политики развития, повышения эффективности государственного управления — для него вторичны [Шубенкова 2014: 19]. Расхождение реальной политики режима с его декларациями и программами фиксировал и автор политической истории современной России (от Горбачева до Путина) Владимир Согрин [Согрин 2001]¹⁴.

¹¹ По свидетельству Кудрина, цели и задачи для административной системы задавались параллельно КДР через национальные проекты, майские указы, среднесрочные программы правительства (основные направления деятельности и антикризисные планы) и посредством более чем 40 госпрограмм. Но их результаты так и не стали предметом широкой дискуссии [Кудрин 2017].

¹² Сегодня эти затасканные мантры в лексиконе власти и официозных СМИ замещаются новой — «цифровая экономика».

¹³ Так, к примеру, дерегулирование экономики — создание наиболее благоприятных условий для предпринимательства, включая защиту прав собственности, равенство условий конкуренции, реформу налоговой системы и т. д. стало одной из главных целей Стратегии 2010 в 2000 году. В январе 2017 года директор Института экономики РАН (с 2005 по 2015) Руслан Гринберг констатирует, что, хотя разговоры об инвестиционном климате для подъёма экономики идут уже четверть века, реально при этом не делается ничего [Нас ждёт девальвация... 2017].

¹⁴ Описывая ситуацию середины 1990-х годов, Согрин говорит о том, что президент, премьер-министр, кабинет министров неизменно объявляли неприемлемым превращение страны в сырьевую базу мировой экономики. Они регулярно утверждали планы структурной перестройки в пользу наукоемких отраслей, привлечения в них

В *Индексе демократии*¹⁵, публикуемом британским изданием *Economist Intelligence Unit*, Россия с 2011 г. находится в категории авторитарных режимов [Democracy Index 2016]. Отечественные политологи предпочитают называть этот режим *электоральным авторитаризмом*. Но в любом случае отличительной чертой таких режимов является сосредоточение реальной власти в руках одного человека или узкой группы в его окружении и отстранение общества от участия в принятии решений. Концептуальную основу этого режима заложила *Конституция Российской Федерации 1993 г.*, зафиксировавшая победу президента Бориса Ельцина в жёстком противоборстве с Верховным Советом РФ и Съездом народных депутатов в октябре 1993 г. Дизайн Конституции в целом подчинён идее доминирования президентской власти. Президент выделен в качестве самостоятельного субъекта осуществления государственной власти. В системе разделения властей он, как демиург, поставлен перед Федеральным собранием, Правительством и Судами РФ; он определяет основные направления внутренней и внешней политики РФ. Глеб Павловский, руководитель Фонда эффективной политики, считает, что выбор в пользу страны как президентского поместья, а не политической нации или идейной цели был окончательно сделан между 1993 и 1996 годами [Галимова 2015].

Путин, занимающий пост президента РФ с 2000 г. (с перерывом на 2008–2012 годы, когда он был премьер-министром в тандеме Путин-Медведев), полностью использовал заложенные в *Конституции* потенциальные возможности этого поста. Проведённые им с 2000 г. реформы были последовательно направлены на концентрацию всех полномочий, ресурсов и рычагов власти в «президентской вертикали», что даёт некоторым политологам основания называть установленный режим правления персонифицировано — *путинизмом* [Никонов 2014]. По свидетельству чиновников президентской администрации, Путин лично принимает все стратегические решения [Сурначева 2013]. Метафорой режима может служить известное высказывание Вячеслава Володина, бывшего первого зама главы администрации президента, ответственного за идеологию и внутреннюю политику, а ныне — спикера Госдумы: «Есть Путин — есть Россия. Нет Путина — нет России» [Сивкова 2014]. Данная формула, фактически, полностью отрицает существование в России государства как социального института.

Закон о стратегическом планировании юридически закрепляет эту имевшую место де-факто роль президента в формировании будущего нации. Согласно закону, президент является ключевым участником стратегического планирования на всех его стадиях (В этом качестве он 47 раз упоминается в тексте закона). Подготавливаемые в закрытом режиме его администрацией ежегодные послания Федеральному собранию, правовая природа которых долгое время являлась предметом политических дискуссий, законом поставлены на первое место в категории документов целеполагания. Закон устанавливает, что «Ежегодное послание Президента РФ Федеральному Собранию РФ о положении в стране и об основных направлениях внутренней и внешней политики государства является основой для определения стратегических целей и приоритетов социально-экономического развития и обеспечения национальной безопасности Российской Федерации, определения направления достижения указанных целей, важнейших задач, подлежащих решению, а также для разработки других документов стратегического планирования» (Ст. 15.1). «Во исполнение послания Президент издаёт указы, в которых определяются стратегические цели и приоритеты социально-экономического развития

отечественных и иностранных инвестиций, их продвижения на мировые рынки. Но на практике, правительство все больше полагалось на отчисления сырьевых монополий государству, являвшемуся крупным держателем их акций. Экспортная выручка сырьевого капитала к середине 1990-х годов превратились в один из главных источников удовлетворения финансовых потребностей правительства [Согрин 2001].

¹⁵ Индекс рассчитывается по 60 показателям на основе экспертных оценок и результатов опросов общественного мнения.

и обеспечения национальной безопасности страны, направления достижения указанных целей и решения важнейших задач в сфере социально-экономического развития и обеспечения национальной безопасности, а также документы стратегического планирования, подлежащие разработке» (Ст. 15.2)¹⁶.

Как констатирует Андрей Дахин: «Особенность президентской формы власти в России, в которой просматриваются явные признаки советской системы пожизненного верховного правления, ведёт к тому, что все официальные стратегии мыслятся как «стратегии Путина», а более длинных стратегий — «стратегий после Путина» — нет». За пределами этого «президентского» горизонта остаётся пространство почти полной неопределённости», образующее зону уязвимости страны [Дахин 2015: 184].

Дахин отмечает, что «первую скрипку» в современной геополитике играют страны, которые формируют стратегические цели на периоды, превышающие любые сроки правления конкретных президентов. Такое становится возможным, когда в стране существует осознание ее *миссии* в мире, не зависящей от того, кто занимает пост главы государства в текущий момент.

У каждой страны есть своя миссия, обусловленная ее географическим положением, природными условиями, историческим прошлым и культурой, а также особенностями психологической структуры индивидуального, группового и массового сознания граждан. Консенсусное представление о миссии страны отражает самосознание общества, приоритеты доминирующей в нем нормативно-ценностной системы. Разработка национальной стратегии развития предполагает сравнительную оценку различных вариантов будущего и способов его достижения — что является более желательным или менее желательным, а что вообще неприемлемо, исходя из определённых ценностных ориентиров, заложенных в миссии страны. Без выстраивания базовых ценностных приоритетов никакая национальная стратегия работать не будет¹⁷.

Клейнер полагает, что: «Развитие страны происходит как в сфере познания своей миссии, так и в сфере ее реализации». Познание миссии требует серьёзных интеллектуальных усилий, причём, не только аналитиков, но и значительной части общества. Миссия, в его представлении, — «это сформулированная, принятая и осмысленная населением страны национальная идея» [Клейнер 2011].

Однако представление о тождественности миссии страны национальной идее и, соответственно, необходимости ее познания не является общепризнанным. Президент В. Путин в *Послании Федеральному собранию РФ 2007 г.* не без иронии заметил: «...А у нас с вами, в России, есть ещё такая старинная русская забава — поиск национальной идеи. Это что-то вроде поиска смысла жизни. Занятие в целом бесполезное и небезынтересное. Этим можно заниматься всегда и — бесконечно» [Послание... 2007]. Спустя несколько лет, на встрече с активистами Клуба лидеров он изменил свое мнение о национальной идее: «У нас нет никакой, и не может быть другой объединяющей идеи, кроме патриотизма. Это и есть национальная идея» [Путин... 2016]. Но данное когнитивно нейтральное определение национальной

¹⁶ Стратегия социально-экономического развития, как установлено законом, должна разрабатываться раз в 6 лет и содержать систему долгосрочных приоритетов, целей и задач государственного управления как минимум на этот период. В то же время, закон, противореча себе же, говорит о том, что стратегические цели и приоритеты развития, направления и задачи по их достижению определяет ежегодно президент своими указами. И в законе нет даже упоминания о национальной доктрине и концепции социально-экономического развития страны, которые логически должны составлять основание стратегии. По заключению экспертов ЦРС, проанализировавших факторы реализации документов стратегического планирования верхнего уровня многие положения этого закона нуждаются в критическом переосмыслении [Кудрин 2016].

¹⁷ Об этом ещё раз напомнил политический деятель и публицист Юрий Болдырев [Болдырев 2015: 26–27].

идеи не предполагает операционализации, позволяющей раскрыть содержание миссии страны как основы стратегического целеполагания.

Роберт Даль утверждает, что в демократических (как, впрочем, и в любых других) системах правители должны обладать определенным уровнем политической компетентности, т. е. «они должны полностью осознавать цели, которые стоят перед их руководством, и быть готовыми действовать таким образом, чтобы обеспечить их воплощение в жизнь» [Даль 1992]. Многие отечественные политологи, социологи, экономисты на протяжении длительного времени отмечают отсутствие у руководства страны видения целей и стратегии развития. Так, Колесников полагает, что практически все действия российской власти мотивированы почти исключительно стремлением сохранить нынешние элиты у власти и законсервировать ее сегодняшнюю модель — «авторитарной, имитирующей демократические процедуры, стимулирующей пропагандистскими методами агрессивные националистические настроения» [Колесников 2015б].

Экономист, социолог и общественный деятель Владислав Иноземцев утверждает, что вместо государственной политики сегодня в стране сложился «лишь персональный бизнес высшей бюрократии, интересам которого подчинены экономические, политические и идеологические шаги нашей власти» [Иноземцев 2015: 55].

Политолог Александр Соловьев объясняет ограниченность стратегических планов режима низким качеством институтов, доминированием механизмов «ручного управления», политизацией деятельности правоохранительной и судебной систем, а главное — доминированием неформальных коалиций правящего класса, превративших «вертикаль власти» и основные центры принятия государственных решений в формы своей внутренней самоорганизации. В результате «...вместо перспективных государственных стратегий общество сталкивается либо с пропагандистскими клише, прикрывающими отсутствие ясных целей общественного развития, либо с набором разрозненных акций, которые не позволяют снять остроту ситуации даже на отдельных общественных площадках» [Соловьев 2015: 581].

Отсутствие у власти представления о миссии страны, ее образа будущего, цели и стратегии вызывает критику оппонентов, стоящих на разных идеологических позициях. Так, ген. директор Центра научной политической мысли и идеологии Степан Сулакшин, сторонник скорее государственнической модели развития, замечает: «Ну, на самом деле, задаёшься вопросом: „А в чем смысл жизни современной России? В чем ее высшие ценности? В чем ее цели? В чем ее стратегии? Куда страна идёт? Что впереди?“ Ведь должно быть написано где-то в официальных документах, в Послании Президента должно быть сказано, куда страна идет. ... Так нет ее, цели» [Сулакшин 2016].

Но и в последней Прямой линии Президента РФ В. Путина 15.06.2017 ничего не было сказано о том, какие долгосрочные цели и стратегия определяют текущую внутреннюю и внешнюю политику российской власти [Стенограмма... 2017].

Неклесса даёт однозначно негативную оценку правящим элитам как субъекту созидания будущего нации: «Они, в целом, не обладают необходимым уровнем культуры/образования, альтруистическими или иными отчётливыми моральными качествами, их карьерные траектории сложились во многом волею обстоятельств, а не профессионального мастерства. Аморализм и короткий, оперативно-тактический горизонт планирования сами по себе чреватые негативными следствиями: постиндустриальной контрреволюцией, тягой к упрощению обстоятельств, деградацией культурного капитала, профанацией и утратой идеалов». Когда авторитарная чиновничья позиция становится доминирующей ценностью, потенциальный субъект перемен будет в той или иной степени имитировать, а не эмитировать будущее. На деле он стремится удержать (а по мере возможностей и улучшить) ситуацию, сопряжённую с преимуществами собственной позиции, фактически продлевая status quo. И даже те, кто сегодня в

российской политике пытаются заниматься реформами, находятся в этой ловушке [Неклесса 2016].

К близкому выводу приходит социолог Наталия Зоркая: «Мы присутствуем при страшном дефиците [политических] элит, для которых было бы ценно и важно развитие и модернизация страны ... Нынешняя элита ориентирована на удержание власти и накопленных ресурсов» [Цветкова 2017].

Потенциал общества в формировании стратегии развития. Как отмечалось выше, хотя непосредственным организатором стратегического проектирования является государство, реализуемость национальной стратегии зависит в существенной степени от того, насколько заявленные в ней образ будущего и цели развития соответствуют доминирующим представлениям о них общества. Их сходство ведёт к укреплению доверия общества режиму правления и к резкому росту социального капитала, столь необходимого для осуществления реформ и воплощения стратегии в жизнь. В случае расхождения режим рискует столкнуться с активным или пассивным сопротивлением общества.

В документах ООН «хорошее правление» (good governance)¹⁸ предполагает ориентацию на достижение ясного понимания и широкого консенсуса общества относительно того, что является желаемым в долгосрочной перспективе для устойчивого человеческого развития¹⁹ и как достичь целей такого развития в историческом и социо-культурном контексте данного общества [What is ... 2009]. В начале 2000-х годов эволюция парадигмы государственного управления привела к появлению концепции *Collaborative Governance* — *Правление в сотрудничестве*. Основанные на ней практики управления предусматривают вовлечение правительственными ведомствами заинтересованных негосударственных акторов в коллективный процесс принятия решений, затрагивающих их интересы [Ansell, Alison 2008: 543–571]. Индивиды и сообщества наделяются полномочиями акторов (social empowerment).

Обязательными атрибутами подготовки стратегических проектов в русле *Collaborative Governance* являются публичность, гражданское участие и последующий контроль общества за исполнением принятых решений²⁰. Разработка национальной стратегии развития служит площадкой гражданского диалога и институционализированного взаимодействия общества и государства. Здесь формируется устойчивый консенсус относительно общего блага — долгосрочных приоритетов развития и путей их реализации²¹. Гражданское общество, таким об-

¹⁸ Понятие *Governance* относится к формальным и неформальным соглашениям, которые определяют, каким образом принимаются политические решения и осуществляется деятельность государства с точки зрения конституционных ценностей страны [Public Governance Indicators 2007].

¹⁹ В конце XX века «классические» теории экономического развития, которые провозглашали главной целью общественного прогресса экономический рост, уступили место концепции человеческого развития. Она ориентирована на повышение качества жизни человека, расширение его возможностей во всех областях как на основной приоритет стабильного развития, обеспечивающий общее благо для всего общества и его членов.

²⁰ Контроль граждан над определением целей деятельности государства Даль считал одним из критериев демократии [Даль 2003].

²¹ По мере вовлечения общества в процессы стратегического проектирования в научных, деловых и политических кругах все более широкое применение находит технология Форсайт. Около 30 лет назад эта технология стала использоваться для оценки долгосрочных перспектив развития науки и технологий, способных принести наибольшие социально-экономические блага для общества, а с 1990-х гг. она активно реализуется в общественно-политической сфере. Считается, что без применения таких технологий стратегическое управление социально-экономическим развитием, включение в него активных слоёв общества, целенаправленное реформирование соответствующих институтов и инфраструктуры сегодня невозможно. В разных странах в программах Форсайта используются различные методологические и организационные принципы, но неизменным остаётся сотрудничество и кооперация всех ключевых участников развития — представителей бизнеса, научного сообщества, органов государственной власти и структур гражданского общества — в обсуждении долгосрочных прогнозов, выработке комплексного видения будущего и согласования путей его достижения [Крюков 2010].

разом, становится полноправным партнёром государства и субъектом стратегического проектирования, неся за него свою долю ответственности.

В современной России цель создания гражданского общества впервые была провозглашена ещё в 1988 г. Михаилом Горбачевым на XIX Всесоюзной партконференции. В его докладе и в решениях конференции был сделан акцент на вовлечение граждан в процесс управления страной и создание соответствующих механизмов «свободного формирования и выявления интересов всех классов и социальных групп», а также системы «саморегулирования и самоуправления общества» [Согрин 1994: 39–40].

Однако, как свидетельствует мировой опыт, правящие элиты, видят в самоорганизации общества наибольшую угрозу своей монополии на власть. Авторитарные режимы препятствуют развитию внутри себя гражданского общества, они «всегда систематично старались избавиться от групп, выступающих в качестве посредников между личностью и государством» [Липсет 1992: 7–8]. Им проще иметь дело с атомарными индивидами, не способными противостоять пропагандистской, административной и репрессивной мощи огромной государственной машины, чем с организованным гражданским обществом и его интеллектуальной элитой.

В аналитическом исследовании потенциала гражданского участия в решении социальных проблем в России 2014 г. отмечается крайняя слабость институтов общественного самоуправления. По мнению большинства опрошенных эффективность инструментов общественного влияния невысока, а политических инструментов вообще ничтожна [Волков, Герасимов 2014]. Сегодня, о некоммерческих организациях, составляющих каркас самоорганизации общества, более половины россиян ничего не знают. А среди знающих почти половина не в состоянии вспомнить название хотя бы одной некоммерческой организации [Волков... 2017].

Гражданское общество не стало партнёром государства и в разработке стратегических документов. Руководитель Левада-центра Лев Гудков²² считает, что если понимать под политикой публичные механизмы целеполагания и реализации одобряемых обществом стратегий достижения этих целей, то политики как таковой у нас нет [Гудков 2011].

Закон о стратегическом планировании, отводя доминирующую роль президенту, крайне неопределённо говорит об участии гражданского общества: «К разработке документов стратегического планирования *могут* (курсив мой — А.К.) привлекаться объединения профсоюзов и работодателей, общественные, научные и иные организации с учётом требований законодательства Российской Федерации о государственной, коммерческой, служебной и *иной* (курсив мой — А.К.) охраняемой законом тайне» [Ст. 11, п. 7]. По сути, решение об участии (или отказе в нём) организаций гражданского общества в разработке программно-стратегических документов, определяющих будущее страны, отдано на откуп властным структурам, а размытые формулировки закона позволяют им принимать любые решения по своему усмотрению.

Но в какой мере само общество готово сегодня принять участие в формировании желаемого будущего страны и взять за него свою долю ответственности?

Одним из необходимых условий достижения консенсуса в гражданском диалоге и во взаимодействии общества с государством относительно общего блага как цели развития яв-

²² 5 сентября 2016 г. Министерство юстиции РФ внесло Левада-центр в реестр организаций, выполняющих функции иностранных агентов. Гудков видит причину в том, что «Объективные и проверяемые данные о состоянии общества и общественного мнения в стране, особенно в ситуациях резких переломов и кризисов, вызывают острую и болезненную реакцию у ангажированных политиков, чиновников, идеологов, поскольку представляемый социологами диагноз и картина общества расходится с их ожиданиями и политическими интересами [Гудков 2016б].

ляется существование межличностного доверия. В общероссийском опросе 2009 г. лишь 18 % респондентов согласились с тем, что большинству людей можно доверять, подавляющее большинство (78 %) сочло, что, имея дело с людьми, «надо быть предельно осторожными» [Мерсиянова 2012]. По данным исследования ИС РАН, только 9% респондентов ощущают чувство общности с людьми, живущими в том же населённом пункте, в той же местности. Чувство гражданской солидарности, а также сплочённость на почве общих взглядов у них ещё слабее. [Сасаки, Латов и др. 2010]. Население настолько фрагментировано, что, как утверждает Гудков, «общества» в социологическом смысле как такового не существует [Озерова 2015]. Рост отчуждения, все большая атомизация общества ведут к потере у россиян самоидентификации со страной, а также к вытекающей из этого утрате потребности в мечте о ее будущем, выступающей побудительным мотивом к личному действию [Тихонова 2015].

Как показал опрос в апреле 2016 г., ответственность за происходящее в стране в полной мере чувствуют 3 % россиян, тогда как 64 % не ощущают ее совершенно. Доля людей, принимающих активное участие в социальной и политической жизни, составляет 3–4 % от всего населения. Зоркая объясняет это «очень резким ухудшением общей — общественной, социальной, политической атмосферы, усилением репрессивного режима, преследованиями». «Через принятых до и после протестов (2011–2012 годов) законов репрессивного характера, всем известные законы о митингах, собраниях, НКО — «иностранных агентах» и т. д., — которые как раз и были направлены на подавление гражданской активности, ... нанесли ей сильный удар» [Цветкова... 2017]. О том же говорили участники Общероссийского гражданского форума «Повестка дня для России», созванного Комитетом гражданских инициатив в ноябре 2013 г.²³

Материалы исследований Левада-центра с конца 1988 г. до настоящего времени свидетельствуют о широко распространённом хроническом чувстве невозможности или неспособности повлиять на решения властей любого уровня; его испытывают до 80–85% граждан [Гудков 2017]. При этом 80% заявляют, что не стали бы участвовать в политической или общественной деятельности, даже если бы была такая возможность. Как считает Гудков, удержание масс в состоянии апатии и отказа от политического участия составляет основу технологии господства власти [Новый проект ... 2014].

С ощущением невозможности повлиять на происходящее в стране связан короткий горизонт планирования россиян. Почти половина (46 %) не знают, что будет даже в ближайшие месяцы, треть (33 %) могут планировать лишь на 1–2 года вперёд. Молодёжь, люди с самым большим будущим, представляет свою жизнь лишь на пару лет вперёд. В основе страха перед будущим в массовых представлениях лежит подспудное ощущение упадка [Волков 2016]. О том, что общество находится в состоянии депрессии, говорит президент Фонда «Центр политических технологий» Игорь Бунин. Люди живут сегодняшним днём, стараясь не думать о том, что будет завтра. Они не видят привлекательного будущего и боятся перемен, опасаясь, что станет только хуже [Современная Россия... 2017].

Из февральского 2017 г. опроса РАНХиГС следует, что примерно у 40 % россиян денег хватает только на еду, около 37 % могут позволить себе купить одежду и только 15 % — бы-

²³ По их свидетельству, «...сегодня Кремль вместе с официальными СМИ ведёт мощнейшую контрпропаганду против гражданских активистов: дескать, все они — наймиты западных спецслужб. Именно на эту же цель работают и „показательные“ судебные процессы, включая дело участников митинга на Болотной площади». Говорилось о принудительном закрытии ассоциации «Голос», которая занималась независимым наблюдением на выборах и разрабатывала проект избирательного закона, о давлении на Московскую школу политических исследований. Гражданское общество в России, утверждает председатель Московской хельсинкской группы Людмила Алексеева, сталкивается с таким жёстким «завинчиванием гаек», какого не было даже в позднесоветское время [Чаблин 2013].

товую технику²⁴. По мнению вице-премьера по социальным вопросам Ольги Голодец, бедность, которая сейчас фиксируется в России, является уникальной, поскольку это бедность работающего населения [Почти 40 процентов... 2017].

Один из выводов анализа потенциала гражданского участия в решении социальных проблем: когда идёт речь об элементарном выживании, дискуссии об общественном благе вести некогда [Волков 2014]. При этом, доля тех, кто считает, что может свободно говорить о своем отношении к политике, проводимой руководством России, снизилась в 2016 году до 30 %, и только 14 % граждан уверены, что им говорят правду о ситуации в России [Горяшко 2016]. Опросы Левада-центра показывают, что общество в целом не готово «анализировать происходящее и понимать длительные процессы» [Гудков 2016а].

Потенциал интеллектуальной элиты и экспертного сообщества в формировании стратегии развития. Нужно отметить, однако, что неготовность рядовых граждан участвовать в обсуждении долговременных процессов институционально-политического и социально-экономического развития присуща не только России. С усложнением общественной жизни, повышением масштаба, многоаспектности и взаимосвязанности рассматриваемых проблем, а также с увеличением горизонта проявления возможных последствий принимаемых решений растёт т. н. *барьер гражданской компетентности*. Это происходит, несмотря на последовательное повышение уровня образования населения и беспрецедентный рост Доступности информации.

Когда для вынесения компетентного суждения по определённой проблеме прямого личного опыта становится недостаточно, а цена поиска, получения и оценки релевантной информации возрастает настолько, что становится неприемлемой, граждане вынуждены в своих суждениях полагаться на «заменителей анализа», которые вызывают у них доверие [Даль 1992]. Очевидно, что формирование национальной стратегии развития — это как раз тот случай, когда граждане не могут обойтись без «заменителей анализа».

Среди наиболее важных «заменителей анализа» Даль выделяет политические партии, одной из главных функций которых является постановка коллективных целей для всего общества. Но в России партии устойчиво пользуются наименьшим среди всех общественных институтов доверием²⁵. Партийная система носит витринный характер, ее сущностная черта — почти полное отсутствие у действующих партий содержательной программы [Шульман 2015]. Это заключение, которое разделяют многие авторитетные эксперты, относится как к «партии власти», так и к КПРФ, ЛДПР, Справедливая Россия, «кого называют оппозицией по телевизору», и кто играет по согласованным правилам²⁶.

По результатам опроса Левада-центра 2014 г. (до присоединения Крыма), граждане оценили Государственную думу, которая как политический институт должна служить связующим звеном между обществом и властью, следующим образом: 27 % респондентов считают, что ее деятельность сводится к обслуживанию политического курса Путина, и она, прежде всего, принимает законы, инициированные его администрацией; 37 % — что депутаты в основном занимаются решением своих личных проблем, 23 % ничего не знают о работе Думы или затрудняются ответить; 13 % полагают, что Дума принимает законы, нужные для России [Иванушкин 2014].

²⁴ *Стратегия-2020* предусматривала, что к 2020 г. масштабы бедности должны сократиться до 6,2 % (8,9 млн человек). В первом квартале 2017 года число граждан, живущих за чертой бедности, выросло до 22 миллионов, что составляет 15 % населения [Число бедных в России... 2017].

²⁵ Данные опросов Левада-центра за период 1997–2016 гг. В 2016 г. о полном доверии партиям заявили 12 % респондентов общероссийской выборки [Институциональное доверие 2016].

²⁶ См., например, Алексей Макаркин, первый вице-президент Центра политических технологий в Современная Россия 2017.

В условиях слабости общественных и политических структур, не способных выработать и представить обществу альтернативные сценарии развития страны, возрастает ответственность интеллектуальной элиты за будущее нации. По выражению Владимира Ядова, интеллектуальная элита — «создатель смыслов, производитель социальных концепций, идей, которые увлекали», она «открывает какие-то смыслы бытия будущего и настоящего для остальных людей» [Современная российская ... 2005]. Интеллектуалов отличает способность проблемно осмысливать и объяснять социальные, политические и экономические процессы и события, происходящие в обществе, генерировать новые идеи и делать свое знание достоянием общества. Эти качества присущи в большей степени представителям академического и экспертно-аналитического сообществ, обладающим, наряду с навыками рационального мышления, профессиональными знаниями в социологии, политологии, праве, экономике, демографии и других областях гуманитарного знания о жизнедеятельности общества. Формирование долгосрочной стратегии развития — это та область гражданского участия, где особенно важна свобода интеллектуальной элиты от идеологической зашоренности и укоренившихся в сознании стереотипов, предопределяющих решения бюрократов, а также ее способность увидеть нетривиальные варианты будущего, а не очередную версию прошлого. Личностный фактор Неклесса считает главным стратегическим ресурсом эпохи [Неклесса 2016б]. Очевидно, что интеллектуальной элите, прежде всего, принадлежит ведущая роль и в постижение миссии страны в мире, «занятии, требующем серьезных интеллектуальных усилий, работы души и напряжения духовных сил»²⁷.

Интеллектуалов, активно вовлечённых в публичную политику, Даль считал элитой — *public policy elites*. Он придавал первостепенное значение влиянию выдвигаемых ими идей на политические события в современных демократических государствах, включая те из них, от которых зависит консервация или трансформация действующих режимов. Это влияние оказывается ими, прежде всего, через формирование новых установок, ценностей и приоритетов общественного мнения, т. е. через «переформатирование» общества [Даль 2003: 509].

Академик РАН (ранее АН СССР) Никита Моисеев полагал, что «Не на правительство и государство, а на интеллигенцию ложится основной груз понимания сегодняшней ситуации и сопоставления альтернатив развития. Только интеллигенция может сформировать представление о желаемом будущем, о национальных целях, без видения которых «любому народу выжить очень трудно, а сохранить культуру невозможно»²⁸. Размышляя в октябре 1993 г. (расстрел Белого дома) о судьбе и ответственности российской интеллигенции, он писал: «Интеллигенция выступает одной из важнейших гарантий жизнеспособности общества. ... Исчезновение интеллигенции или исключение ее из духовной жизни общества — это трагедия для нации. Это может кончиться ее нравственной смертью» [Моисеев 1994].

Но успеха интеллектуалы добивались, лишь опираясь на гражданское общество, контролирующее правящие элиты и заставлявшее власть идти на уступки [Балаян 2010].

²⁷ Как считает Клейнер, конкретное содержание миссии нации является предметом стратегического познания окружающего мира, неизменных и изменяемых особенностей нации, траектории ее развития. ... Страновая миссия формулируется как результат постижения — сочетания всех видов проникновения в суть предмета, в первую очередь — в социально-экономический потенциал территории и духовно-нравственный потенциал ее населения [Клейнер 2011].

²⁸ Противоположной точки зрения на роль интеллигенции в российском обществе придерживается известный кинорежиссёр Станислав Говорухин. В интервью информационному агентству Lenta.ru.ru в качестве руководителя предвыборного штаба Путина на выборах 2012 г. он заявил: «Я бы ему посоветовал вообще не опираться на либеральную интеллигенцию. Вообще. Поскольку она по сути своей предательская. Та часть интеллигенции, которую Ленин обозвал не мозгом нации, а говном нации». В его представлении креативный класс — это, прежде всего, «те, кто создаёт, строит подводные крейсера, прокладывает трубы по дну Балтийского моря...» [Все решится ... 2012].

Поле деятельности интеллектуалов — публичная сфера, куда они стремятся внести свои идеи — через СМИ и различные каналы массовой коммуникации, включая социальные медиа, чтобы в процессе гражданского диалога мобилизовать поддержку общество и побудить власть к их рассмотрению²⁹.

СМИ считаются ключевым институтом публичной сферы. Соответственно, одним из главных критериев существования в стране публичной сферы и ее «качества» служит их независимость. Международная неправительственная организация «Репортёры без границ» с 2001 г. ежегодно исследует степень свободы, которой журналисты и информационные организации, включая печатные, вещательные и онлайн-средства массовой информации, пользуются в той или иной стране, а также способность властей уважать и обеспечивать уважение к этой свободе³⁰. Во «Всемирном индексе свободы прессы 2017» Россия в списке 180 стран заняла 148-е место, после Мексики, но перед Таджикистаном [World Press 2017]. Гудков констатирует, что в России медиа «превратились в инструмент массивной, очень агрессивной демагогической пропаганды, ведущей к моральной и интеллектуальной деградации населения». Из 22 телевизионных медиакомпаний — 20 принадлежат трем крупным медиахолдингам с участием государства и под его контролем. Блокировка сайтов, таких как «ГраниРу», «Ежедневный Журнал» и «КаспаровРу», смена собственников и редколлегий во многих из них до минимума сократили «публичное пространство коммуникаций, дискуссии, осмысления» [«Дело не в телевизоре... 2017»].

Пытаться бороться за влияние в обществе, будучи отрезанными от каналов информации, возможности излагать свои взгляды, в условиях кремлёвской контрпропаганды, демагогии и мощной системы дискредитации оппонента, уголовного преследования³¹, как он считает, бесперспективно [«Человек ... 2016»].

Проблемы стратегического проектирования обсуждаются научными сообществами преимущественно на своих профессиональных публичных площадках — семинарах, конференциях, конгрессах. Генерируемые на них тексты циркулируют также в рамках их собственной профессиональной среды, не выходя за ее пределы.

Интеллектуалы из академического сообщества неоднократно обращались к президенту с открытыми письмами, содержащими критику проводимой властью политики: о катастрофи-

²⁹ Последователи делиберативной демократии, получившей второе дыхание с расширением онлайн-интерактивной среды коммуникации, утверждают, что широкое участие граждан в свободном обсуждении общественных проблем, которое стало возможным благодаря повсеместному распространению ИТ, позволяет снять проблему низкой гражданской компетентности, являющуюся камнем преткновения на пути реализации идеалов демократии. В общественном диалоге с участием интеллектуальной элиты и лиц в структурах власти, принимающих решения, через обмен информацией, сопоставление позиций, аргументов и контраргументов, рефлексию и саморефлексию происходит самообучение граждан — растёт их компетентность, мотивация и способность к осмысленному политическому выбору.

³⁰ Исследование основано на методологии экспертных оценок. Выводы о состоянии свободы СМИ в той или иной стране делаются на основе 43 показателей, включая такие, как преследование журналистов (убийства, лишение свободы, физическое насилие и угрозы) и средств массовой информации (цензура, запреты и конфискации выпусков изданий, закрытие изданий), а также уровень самоцензуры в СМИ, степень их политической и финансовой зависимости, состояние правовой среды в сфере СМИ (штрафы, государственная монополия, существование регулирующего органа), возможность свободного доступа граждан к Интернету и пр. [Всемирный индекс ... 2017].

³¹ Судьба трех ведущих экспертов-экономистов — Сергея Гуриева, Сергея Алексащенко, Михаила Дмитриева, чьи оценки разошлись с официальной, иллюстрирует этот тезис. Двое из них были вынуждены покинуть Россию, а Дмитриев, предсказавший Болотную, критиковавший пенсионную реформу, лишился контракта президента ЦСР. В 2015 году было отмечено, что за последние полтора года российские учёные стали чаще уезжать из России [Калюков 2015]. Среди основных факторов, препятствующих их возвращению, — усиливающиеся авторитарные тенденции, слабость гражданского общества, отсутствие свободы самовыражения, что особенно важно для интеллектуальной элиты [Меркушев 2009: 31].

ческом состоянии фундаментальной науки в России в 2009 г. (Открытое письмо учёных Президенту и Председателю Правительства РФ), об экономической политике (Открытое письмо Президенту РФ В.В. Путину директора ИЭ РАН, чл.-кор. РАН Р.С. Гринберга, 2012 г.), о разрушительной реформе РАН (Открытое письмо Президенту РФ В.В. Путину академика РАН Алферова Ж.И., 2013 г.) и др. Ощутимого воздействия эти обращения не оказали. Когда публичным интеллектуалам перекрыты каналы массовой коммуникации, им весьма проблематично заручиться поддержкой общества, тогда как власть может навязывать обществу свои пропагандистские клише, почти не оставляя возможности для трансляции иных взглядов. По уровню влияния интеллигенция занимает в общественном мнении предпоследнее 19-е место в списке 20 институтов, от президента до профсоюзов [Левинсон 2015].

Российское общество, как считает Ясин, не располагает в настоящее время критической массой интеллектуальной элиты. Престиж интеллектуалов крайне низок, равно как и авторитет научной, культурной интеллигенции. Все это подводит интеллектуалов к опасной черте, за которой они уже не смогут считаться элитой [Современная российская ... 2005].

Интеллектуалы и экспертное сообщество являются пересекающимися множествами. Отношения между властью и экспертами Колесников характеризует следующим образом: «Никто в сегодняшней власти не говорит, что экспертные оценки не нужны. Наоборот, плодятся структуры и множатся заседания. Однако решения принимаются прямо противоположные тому, что советует большинство экспертов» [Колесников 2014].

Так, работа экспертов над формированием образа будущего и Стратегией-2030 началась с опроса самих экспертов — 124 членов правительственного совета. Большинство опрошенных (66 %) сочли, что, в первую очередь, надо поддерживать здравоохранение и образование, 57 % указали, что необходимо увеличивать инвестиции в инфраструктуру, и только 17 % — в ОПК. А когда экспертов спросили, какие сферы, на их взгляд, в реальности получают увеличение бюджета, пропорции поменялись на прямо противоположные. 59 % указали на ОПК; на рост финансирования инфраструктуры указали 13 %, а на образование и здравоохранение — всего 6%. Распределение инвестиций даёт достаточно ясное представление о выборе соответствующего образа будущего страны. Ориентация на развитие человеческого капитала и инфраструктуры содержалась ещё в *КДР-2020*, а после кризиса — в сценариях развития до 2030 г., которые готовило Минэкономразвития, но она так и осталась декларативной [Кувшинова... 2015].

Но попытки создания образа желаемого будущего страны и национальной стратегии неоднократно предпринимались экспертно-аналитическим сообществом и ранее. Первой стала работа сценарной группы клуба предпринимателей «2015» в 1998–1999 гг. [Колесников 2015в]. В начале 2010 г. Институт современного развития (ИНСОП), называющий своей целью «объединение лучших экспертов для подготовки предложений и выработки документов по важнейшим направлениям государственной политики», подготовил доклад «Россия XXI века: образ желаемого завтра», где попытался восполнить недостаток стратегического целеполагания и определить ориентиры развития страны. [Россия XXI века... 2010].

В том же году группа независимых российских экспертов, по инициативе «Программы развития ООН», подготовила аналитический доклад «Цели развития тысячелетия в России: взгляд в будущее» [Цели развития ... 2010].

В 2011 году Фонд «Либеральная миссия» опубликовал «Сценарии развития России на долгосрочную перспективу» Е. Ясина [Ясин ... 2011].

В преддверии президентских выборов 2012 г. ИНСОП публикует «Обретение будущего: стратегия 2012» — документ, предназначенный будущему президенту³². В январе 2014 г. Со-

³² Составители определили его жанр как *стратегическое планирование в предвыборном контексте*.

вет по внешней и оборонной политике (СВОП), авторитетная неправительственная организация, стремящаяся выполнять функцию форума по жизненно важным проблемам России, опубликовал доклад «Стратегия-XXI: версия для обсуждения», подготовленный по результатам дискуссий, в которых приняли участие около двухсот экспертов, учёных, общественных деятелей, ведущих практиков самой разной идейной ориентации. Учитывались также работы ещё более широкого круга учёных и экспертов. Авторы доклада предложили свою «реалистическую стратегию развития страны и общества», не являющуюся «ни правой, ни левой, ни провластной, ни оппозиционной» [Стратегия XXI... 2014].

Но эти документы не стали предметом широкого обсуждения в публичной сфере и не оказали заметного влияния на общество и власть³³.

Сценарии будущего в отсутствии стратегического целеполагания. Отсутствие стратегии или сведение стратегии к тактическим шагам, направленным на то, чтобы нынешний руководитель остался у власти, является, как считает Колесников, ключевой проблемой сегодняшней России [Колесников 2015в].

РБК инициировал в 2014 г. проект «Сценарии-2020», в котором предложил авторитетным экспертам нарисовать сценарии развития России в ближайшие годы при сохранении нынешних тенденций в политике [Прогнозы ... 2014].

Большинство выступивших в проекте экспертов сошлось в том, что даже серьёзные трудности, с которыми сталкивается режим правления, в ближайшей перспективе не угрожают его выживанию³⁴. Вызовы системе находятся за горизонтом 2020 г.

Руководитель Центра исследований постиндустриального общества Иноземцев назвал главной проблемой системы правления, созданной Путиным, ее неререформируемость. В его оценке «дальнейший путь системы просматривается вполне чётко: это путь, ведущий к ее коллапсу и хаосу» [Иноземцев 2014].

Оценивая в сентябре 2015 г. перспективы социально-экономического развития, Ясин приходит к выводу, что каких-либо условий для восстановительного роста в ближайшие годы не видно, поскольку «нынешние экономические проблемы страны невозможно решить в рамках политической системы «дефектной демократии», сложившейся у нас с 2003 г. Для подлинного оживления российской экономики требуются серьёзные политические и институциональные изменения, на которые современная элита, как мы наблюдаем, пока не способна решиться» [Мозжухин 2015].

В рамках совместного проекта Фонда «Либеральная миссия» и Фонда ИНДЕМ в мае 2016 г. был подготовлен прогноз развития ситуации в стране³⁵. Экспертам были предложены для оценки четыре сценария, составленных на основе анализа актуального политического дискурса: «Загнивание» (плавное нарастание кризисных явлений без масштабных социальных взрывов), «Осаждённая крепость» (резкое ужесточение режима с целью обеспечить

³³ Так, доклад СВОП, обращённый к обществу, «креативному классу» и власти и предполагавший инициировать поиск консенсуса по направлению развития страны через широкий общественный диалог, был размещён на сайте Совета 21.01.2014 с возможностью обсуждения онлайн. С этого до настоящего времени он получил 9 коротких малосодержательных комментариев.

³⁴ Это мнение разделяет и Греф: «Система не рухнет, она будет медленно деградировать» [Воронова, Боянова, Стеркин 2015].

³⁵ Как указывают его авторы, «это стало необходимым после того, что произошло в стране вслед за всплеском политической активности конца 2011 – начала 2012 г., вслед за реакцией власти на этот всплеск, символом которой стала провокация 6 мая 2012 г., которую власть эксплуатирует уже четыре года, вслед за аннексией Крыма и разорением Востока Украины, вслед за эскалацией противостояния с Западом, их санкций против нас и «ответных» санкций наших властей, вслед за неиссякающей волной репрессивного законодательства, падения цен на нефть и собственного экономического кризиса, ставшего результатом краха «нефтяного рая» и беспомощности, губительности рентной экономики. В качестве экспертов выступали: Леонид Гозман, Александр Гольц, Евгений Гонтмахер, Евсей Гурвич, Кирилл Рогов, Лилия Шевцова и Екатерина Шульман.

самосохранение элиты, расширение репрессии, агрессивные действия в отношении ближайших соседей на грани прямых военных столкновений), «Перестройка-2» (в условиях обвального финансово-экономического кризиса контроль над властью в результате «дворцового переворота» получает часть элиты, которая пытается провести институциональные реформы) и «Взрыв» (лавинообразное нарастание кризисных явлений приводит к конфликтам между различными сегментами властвующей элиты и стремительному повсеместному расширению социального протеста; возникают условия для революции или (и) распада страны). В оценке экспертов наибольшее количество шансов реализоваться (87,4 из 100) имеет инерционный сценарий, при котором горизонт прогнозирования сужается до полугода или чуть более [Благовещенский, Кречетова, Сатаров 2016].

По мере приближения очередных президентских выборов, которые теоретически могли бы стать точкой бифуркации на траектории стратегического развития страны, активизируются попытки экспертов увидеть будущее. В целом их прогнозы не сильно отличаются от инерционного сценария 2016 г.

В феврале 2017 г. в Фонде «Либеральная миссия» прошёл семинар «Современная Россия между вызовами и перспективами», в котором приняли участие эксперты Фонда «Центр политических технологий». Они пришли к заключению, что возможностей для сколь угодно серьёзных реформ сегодня нет. Игорь Бунин, президент *Центра*, в своем выступлении констатировал, что состояние депрессии, в которой находится общество, исключает как провластную, так и протестную мобилизацию. В этой ситуации исход президентских выборов носит безальтернативный характер. Экономика держится на плаву, что позволяет избегать шоковых сценариев. Но системного решения нет, нет никаких структурных реформ, непосредственно затрагивающих основы режима (независимый суд, снижение влияния силовиков, реальное снижение влияния государственной экономики). Как общий результат — «светлого будущего» не видно. Другой эксперт, председатель правления *Центра* Борис Макаренко, полагает, что, хотя программа структурных институциональных реформ, разработкой которой занимается А. Кудрин в ЦСИ, объективно очень нужна, ее реализация разрушила бы существующую властно-собственническую пирамиду. Поэтому «риск того, что всё спустят на тормозах, крайне велик». Самый вероятный сценарий: «всего понемножку». «Немного реформ, немного обрезаний, немного печатания денег, политика — шаг вперёд, два назад». И, скорее всего, этот сценарий позволит инерции продлиться дольше. На сегодняшний день наше будущее — это бег по кругу. Но с каждым следующим годом все нерешённые проблемы будут накапливаться, а невозможность заглянуть за горизонт двадцать четвёртого года будет вызывать всё больше фрустраций у элиты и общества. Бунин считает, что к двадцать четвёртому году бифуркация практически неизбежна. Но какой она будет, не знает никто. Как полагает Алексей Макаркин, первый вице-президент *Центра*, на четвёртом сроке Путина население займётся поиском альтернатив. И среди вариантов «будет Навальный, будет Стрелков, будет ещё много интересных и опасных альтернатив» [Современная Россия ... 2017].

Стратегическое управление без политических реформ? Анализируя проблемы стратегического государственного планирования и управления в современной России, Клейнер пришёл к выводу, что переход к стратегическому управлению как процессу выращивания будущего требует изменения системы принятия решений, «перестройки всего институционального пространства страны и — в определённой степени — его взаимодействия с внешней институциональной средой» [Клейнер 2011].

Программной части «Стратегии 2010» предшествовало утверждение: «Проблемы экономики лежат во внеэкономической плоскости». Правительство приняло стратегию без этого вердикта, объясняющего природу неконкурентоспособной экономики [Мельников 2016]. Первый раздел *Стратегии*, посвящённый реформе власти, был изъят полностью; всё, что ка-

салось политико-правовых вопросов, было, по свидетельству Ясина, передано в администрацию президента, и там «благополучно заглохло» [Конференция 2011]. Оценивая в 2010 году выполнение *Стратегии*, Ясин констатирует: «По реформе власти не то чтобы ничего не было сделано. Сделано много, особенно начиная с 2004 г., но в направлении, противоположном развитию демократических институтов» [Ясин 2010]. Греф, руководивший разработкой Стратегии, комментируя ее итоги в 2010 году, признался: «Если бы я вернулся в начало 2000-х, я бы поставил во главу угла реформу власти и образования» [Кувшинова 2010].

Экспертное сообщество на протяжении многих лет пытается донести до правящей элиты, что успешное социально-экономическое развитие страны невозможно без политической модернизации самого государства. Об этом говорится в докладе ИНСОР 2010 г. «Россия XXI века: образ желаемого завтра». Ясин в публичном выступлении того же времени утверждал, что наиболее актуальная проблема России — это ее политическая система, что страна находится перед таким серьезным вызовом, которого в истории России вообще не было [Политическое измерение ... 2010].

На кризис политической системы указывают не только представители либеральной оппозиции, но и политики, далёкие от неё. Так, тяжеловес на российской политической сцене, убеждённый государственник и политический прагматик, академик РАН Евгений Примаков в 2010 г. заявил: «Успех модернизации экономики России во многом зависит от создания такой партийно-политической системы, которая помогала бы властям избегать ошибочных решений. Характерная черта такой системы — партийный плюрализм»³⁶.

В аналитическом докладе «Цели развития тысячелетия в России: взгляд в будущее» независимые эксперты отмечают необходимость перестройки механизмов и институтов государства, повышения эффективности функционирования институтов политической демократии. [Цели развития... 2010].

Доклад «Обретение будущего. Стратегия 2012», подготовленный ИНСОР в преддверии президентских выборов 2012 г., которые его авторы назвали выбором «между будущим и новым безвременьем», констатирует: «У нынешней инерционной траектории будущего нет — ни „светлого“, ни хотя бы приемлемого». Для изменения траектории нужна реконструкция политических институтов, «отказ от неконституционных практик „управления“ демократией; тотальное возвращение института выборов на всех этажах политической системы, отделение представительной и судебной власти от исполнительной; установление режима политической и коммуникативной свободы». Задержки с назревшим обновлением, напоминает доклад, развалили Российскую империю, потом СССР [Обретение будущего... 2011].

В «Стратегии-XXI», разработанной СВОП, констатируется, что существующая политическая система не может «способствовать развитию экономики, поддержанию политической стабильности, оптимальному балансу преемственности и обновления правящих элит, развитию политической нации», она заведомо нелегитимна и должна быть приведена «в соответствии с требованиями здравого смысла и здоровой нравственности» [Стратегия-XXI... 2014: 217].

Выстроенную в России политическую систему Кудрин назвал тормозом модернизации [Калюков 2014]. Греф видит единственный выход из долгосрочного негативного тренда, в который впадает Россия, в том, чтобы развернуть серьёзные реформы в экономике. Но для этого нужно сначала создать эффективную систему управления, поскольку начинать широкомасштабные реформы с системой, существующей ныне, просто опасно³⁷ [Воронова, Боянова,

³⁶ Цитируется по [Политическое измерение ... 2010].

³⁷ Китайская народная республика, которую принято противопоставлять продвинутым западным демократиям, на 19-м съезде КПК (2017 г.) ставит цели развития до 2050 года. При этом у руководства страны растёт понимание необходимости трансформации структуры власти, инициирующей, проектирующей и воплощающей

Стеркин 2015]. Он вернулся к этой теме на Гайдаровском форуме-2016. Россия, признал он, проиграла конкуренцию и оказалась в числе стран «дауншифтеров». Чтобы адаптироваться к новым условиям, она должна «изменить все государственные системы» [Шароян 2016].

Но, как полагает Колесников, реформы при нынешнем политическом режиме, невозможны, «потому что базовая рамка преобразований — это работающие институты, а среда, способствующая реализации реформаторских начинаний, — политическая демократия. ... Политическая реформа означает: фактическое возвращение политической системы России к конституционной рамке; избавление от репрессивных и рестриктивных, антиправовых, по своей сути, законодательства и правоприменения; обеспечение гарантий права собственности; формирование условий для свободного волеизъявления граждан и представительства всех социальных слоёв, а не только тех, кто готов поддерживать власть» [Колесников 2015б].

Вместо заключения. Хотя Путин пока держит паузу с объявлением о своем участии в президентских выборах 2018 г., мало кто из экспертов сомневается в том, что он будет баллотироваться на четвёртый срок. Более того, исход выборов эксперты считают предрешённым [Современная Россия ... 2017]. При этом, по информации, проникающей в СМИ, его администрация занята, прежде всего, избирательными технологиями: когда объявить о выдвижении Путина, должен он выдвигаться «Единой Россией» или инициативной группой, следует сделать избирательную кампанию одно- или двухэтапной, совместить день выборов с годовщиной присоединения Крыма или нет, как задействовать социальные сети, как решить проблему выдвижения других кандидатов, чтобы выборы не выглядели откровенной пародией, и пр. Тема национальной стратегии развития, которую кандидат в президенты мог бы предъявить обществу для широкого обсуждения, вообще ушла из медийного пространства.

Сам Путин, выступая на Валдайском форуме, весьма обтекаемо высказался о стратегических задачах будущего главы государства — сделать Россию очень гибкой и в высшей степени конкурентоспособной, предоставив политическим наблюдателям разгадывать эзотерическое содержание этого месседжа [Путин... 2017]. Политолог Андрей Окара ещё в 2007 г. назвал «отсутствие большого системного проекта модернизации страны, а также „непроговорённость“ и „недоговорённость“ „курса Путина“ — недостаточную зафиксированность в словах, идеологемах и образах его целей и сокровенного смысла» едва ли не самыми большими проблемами России [Окара 2007].

Накануне выборов, как считает Макаренко, «в российской политике возникает положение шахматного цугцванга: всё отлично, общество спокойно, всё под контролем, но любой следующий шаг ухудшает положение. Нельзя модернизироваться, социальные лифты не ходят, нельзя привлечь новые силы, новые слои, механизмов преемственности нет. Высока символическая легитимность Президента, это реалья, это главная скрепа этой стабильности, но она по наследству не передаётся...» [Современная Россия ... 2017].

Однако у тех, кто в стране обладает реальной властью, полагает Гудков, очень короткий горизонт планирования, нет стратегического видения развития страны. Поэтому вариантов выхода из состояния застоя нет, как нет и альтернативной элиты, которая могла бы что-то этому противопоставить. Ситуация ведёт к системному кризису [Мухаметшина ... 2017].

реформы, как основного инструмента достижения цели. В конце 2015 г. близкой к китайскому руководству медиагруппой Saixin была опубликована статья «Реформа структуры, реформирующей систему, является самой важной». В ней акцент сделан на том, что реформирование, имеющее целью адаптацию к быстро меняющемуся миру, — это, прежде всего, изменение генеральной структуры, которая осуществляет управление [Некlessа 2016а].

Андрианов В. 2012. Как сделать цели долгосрочной стратегии выполнимыми. — *Финансовая газета*, 02.12.2012. — Доступно: <http://fingazeta.ru/top/kak-sdelat-tseli-dolgosrochnoy-strategii-vyipolnimyimi-181564>. — Проверено: 11.11.2017.

Балаян А. Роль интеллектуалов в процессе модернизации Франции, Японии и Польши. — *Пути модернизации. Траектории, развилки, тупики* / В. Гельман, О. Маргания. (ред.). — СПб: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2010. — С. 261–294.

Безруков А., Сушенцов А. 2015. *Россия и мир в 2020 году: Контуры тревожного будущего*. — М.: Эксмо. — Доступно: http://www.pseudology.org/razbory/Bezrukov_Sushentsov_Russia_World_2020a.pdf. — Проверено: 11.11.2017.

Бек Ё. 2000. *Общество риска. На пути к другому модерну*. — М.: Прогресс-Традиция.

Благовещенский Ю., Кречетова М., Сатаров Г. *Сценарное прогнозирование политической ситуации в России. Аналитический доклад № 5, весна 2016* / Фонд «Либеральная миссия», Фонд ИНДЕМ. — М.: 2016. Доступно: <http://www.indem.ru/satarov/ScePrognDokl2012.pdf>. — Проверено: 11.11.2017.

Болдырев Ю. 2015. Начинать надо с мировоззренческих целей и мотивов. Мир перемен, 2015, Спец. выпуск.

Волков Д. 2017. Отношение к закону об иностранных агентах. — *Левада-Центр*, 07.02.2017. — Доступно: <http://old.levada.ru/2017/02/07/zakon-o-nekommercheskih-organizatsiyah/>. — Проверено: 11.11.2017.

Волков Д. 2016. Завтра не наступит никогда. — *Ведомости* № 4134, 09.08.2016. Доступно: <http://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2016/08/08/652203-buduschee-temno>. — Проверено: 11.11.2017.

Волков Д., Гончаров С. 2014. Потенциал гражданского участия в решении социальных проблем. Сводный аналитический отчёт. — М.: Левада-центр — 2014. — Доступно: https://komitetgi.ru/upload/uploaded_files/potencial_grazhdanskogo_uchastiya.pdf. — Проверено: 11.11.2017.

Воронова Т., Боянова Н., Стеркин Ф. «У нас такого за всю историю не случилось» // *Ведомости*. — № 3840, 28.05.2015. — Доступно: <http://www.vedomosti.ru/finance/characters/2015/05/28/594041-u-nas-takogo-za-vsyu-istoriyu-ne-sluchalos>.

Всемирный индекс свободы прессы / Центр гуманитарных технологий. — Доступно: <http://gtmarket.ru/ratings/worldwide-press-freedom-index/info>. — Проверено: 11.11.2017.

Все решится ... 2012. Все решится в первом туре — *Лента.ру*, 13.02.2012. — Доступно: <https://lenta.ru/articles/2012/02/13/govorukhin/>. — Проверено: 11.11.2017.

Галимова Наталья. Кремль живёт, под собою не чужая страна. — *Газета.ру*, 26.12.2015. — Доступно: https://www.gazeta.ru/politics/2015/12/25_a_7991945.shtml. — Проверено: 11.11.2017.

Герман Греф... 2014. Герман Греф опять взорвал мозг всем, заявив, что Россия ушла бы в рецессию и без западных санкций. — *АДИ19 (Агентство деловой информации)*, 10.12.2014. — Доступно: <http://adi19.ru/2014/12/10/german-gref-opyat-vzorval-mozg-vsem-zayaviv-cto-rossiya-ushla-by-v-retsessiyu-i-bez-zapadnyh-sanktsij/>. — Проверено: 11.11.2017.

Гонтмахер Е. 2016. Как Россия может выбрать Европу. — *Ведомости*, 28.02.2016. — Доступно: <http://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2016/02/29/631708-perspektivi-2030-tsvivilizatsionnii-vibor-rossii>. — Проверено: 11.11.2017.

Гудков Л. 2016а. Имморализм посттоталитарного общества в России. — *«Полит.ру» — информационно-политический канал*, 24.07.2016. — Доступно: <http://polit.ru/article/2016/07/24/immoralism/>. — Проверено: 11.11.2017.

Гудков Л. 2011. Политическая социология будет развиваться по мере расширения пространства политики и участия в ней. Интервью. — *Политическая наука*. — № 3. — С. 116–139.

Гудков Л. 2016б. Заявление Директора Левада-Центра. — *Левада-центр*, 09.09.2016. — Доступно: <http://www.levada.ru/2016/09/09/14393>. — Проверено: 11.11.2017.

Даль Р. 2003. Демократия и ее критики / Пер. с англ.; под ред. М.В. Ильина. — М.: РОССПЭН, 2003.

Даль Р. 1992. Проблемы гражданской компетентности. 1992. — *Эврика — научный портал*. — Доступно: <http://evrika.tsi.lv/index.php?name=texts&file=show&f=263>. — Проверено: 11.11.2017.

Дахин А.В. Россия в современном мире стратегий и уязвимостей: подход в свете Intermestic. — *Политическая наука перед вызовами современной политики. Материалы VIII Всероссийского конгресса политологов, Москва, 19–21 ноября 2015 г.* / Под общ. ред. О.В. Гаман-Голутвиной, Л.В. Сморгунова, Л.Н. Тимофеевой. — Издательство «Аспект Пресс», 2015. — Электронное издание. Доступно: <http://www.elib.grsu.by/katalog/528110.pdf.pdf?d=true>. — Проверено: 11.11.2017.

Декларация... 1986. Декларация о праве на развитие. — *ООН*. — Доступно: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/right_to_development.shtml. — Проверено: 11.11.2017.

«Дело не в телевизоре... 2017. «Дело не в телевизоре»: Лев Гудков о Трампе, России и крепостном сознании. — *Интервью Л. Гудкова Агентству новостей ТВ.02.02.17*. — Доступно: <http://tv2.today/Istorii/Delo-ne-v-televizore-lev-gudkov-o-trampe-rossii-i-krepostnom-soznanii->. — Проверено: 11.11.2017.

Горяшко С. 2016. Граждане с трудом верят чиновникам. — 12.08.2016. *Коммерсантъ.ru*. — Доступно: <https://www.kommersant.ru/doc/3060925>. — Проверено: 11.11.2017.

Иванушкин Г. 2014. Левада-центр: россияне не доверяют Общественной палате РФ. — *Агентство социальной информации*, 24.02.2014. — Доступно: <https://www.asi.org.ru/news/2014/02/24/sotsiologi-levada-tsentra-otsenili-otnoshenie-grazhdan-k-deyatelnosti-gosdumy-i-op-rf/>. — Проверено: 11.11.2017.

Иноземцев В. 2014. Россия-2020: Насколько ещё хватит «путинской стабильности». — *Прогнозы 2020. РБК*, 26.12.2014. — Доступно: <http://www.rbc.ru/opinions/economics/26/12/2014/549bd30e9a79473ce3b3c556>. — Проверено: 11.11.2017.

Иноземцев В. 2015. В России нет экономической политики. — *Мир перемен, 2015. Спец. выпуск*. — М: Институт экономики РАН.

Институциональное доверие. — *Левада-центр*, 13.10.2016. — Доступно: <http://www.levada.ru/2016/10/13/institutsionalnoe-doverie-2/>. — Проверено: 11.11.2017.

История проектов долгосрочных стратегий развития России. — *Досье-ТАСС*, 30.05.2017. — Доступно: <http://tass.ru/info/4294051>. — Проверено: 11.11.2017.

Калюков Е. 2014. Кудрин назвал созданную «ЕдРо» политическую систему тормозом для страны. — *РБК*, 22.07.2014. — Доступно: <http://top.rbc.ru/economics/22/07/2014/938029.shtml>. — Проверено: 11.11.2017.

Калюков Е. 2015. «Утечка мозгов» из России увеличилась за последние полтора года. — *РБК*, 24.03.2015. — Доступно: <http://www.rbc.ru/society/24/03/2015/551134c29a7947727d49866d>. — Проверено: 11.11.2017.

Клейнер Г. 2011. Проблемы стратегического государственного планирования и управления в современной России. — *Проблемы стратегического государственного планирования и управления в современной России. Материалы постоянно действующего научного семинара*.

Выпуск № 5 (43). — М.: Научный эксперт. — С. 5–37. — Доступно: [http://rusrand.ru/files/13/07/26/130726025630_Gos_upr_vup_5\(43\).pdf](http://rusrand.ru/files/13/07/26/130726025630_Gos_upr_vup_5(43).pdf). — Проверено: 11.11.2017.

Колесников А. 2014. Политэкономия: Отказ от экспертизы. — *Ведомости*. — № 3512, 22.01.2014. — Доступно: <https://www.vedomosti.ru/newspaper/articles/2014/01/22/otkaz-ot-eks-pertizu>. — Проверено: 11.11.2017.

Колесников А. 2015а. Проблема-2018, или Дилемма Путина. — *Газета.ru*, 16.11.2015. — Доступно: <http://www.gazeta.ru/comments/column/kolesnikov/7756511.shtml>. — Проверено: 11.11.2017.

Колесников А. 2015в. Россия игнорирует повестку из будущего. — *Ведомости*, 27.10.2015. — Доступно: <http://www.vedomosti.ru/opinion/columns/2015/10/27/614589-rossiya-rovostku-buduschego>. — Проверено: 11.11.2017.

Колесников А. 2015б. Российская власть-2015: тактика без стратегии. — *НГ-Политика*, 15.09.2015. — Доступно: http://www.ng.ru/ng_politics/2015-09-15/9_vlast2015.html. — Проверено: 11.11.2017.

Конференция «Обретение будущего: диалоги», ИНСОР, 18.05.2011. — Доступно: http://www.insor-russia.ru/files/Stenogramma_May_18.pdf. — Проверено: 11.11.2017.

Концепция 2020 ...2008. Концепция долгосрочного социально-экономического развития РФ до 2020 г. Утверждена распоряжением Правительства РФ от 17 ноября 2008 г. N 1662-р. — Доступно: <http://www.ifar.ru/ofdocs/rus/rus006.pdf>. — Проверено: 11.11.2017.

Крюков С. 2010. Форсайт: от прогноза к формированию будущего. — *Terra Economicus*. — № 3–2. — Доступно: <https://cyberleninka.ru/article/n/forsayt-ot-prognoza-k-formirovaniyu-buduschego>. — Проверено: 11.11.2017.

Кувшинова О. 2010. Не с того начали: Путинская реформа выполнена только на треть. — *Ведомости*, 02.06.2010. — Доступно: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2010/06/02/putinskaya-reforma-vypolnena-tolko-na-tret>.

Кувшинова О. 2015. Какой будет Россия в 2030 году. — *Ведомости* 19.09.2015. — Доступно: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2015/09/19/609408-kakoi-budet-rossiya-v-2030-g>. — Проверено: 11.11.2017.

Кувшинова О., Лютова М. 2015. Для России напишут новую стратегию развития — до 2030 г. — *Ведомости*, 21 июля 2015. — Доступно: <http://www.vedomosti.ru/economics/articles/2015/07/21/601430-dlya-rossii-napishut-novuyu-strategiyu-razvitiya-do-2030-g>. — Проверено: 11.11.2017.

Кувшинова О., Шляпникова О. 2015. «У нас вообще, наверное, не будет массового малого бизнеса». — *Ведомости*, 26.03.2015. — Доступно: <https://www.vedomosti.ru/economics/characters/2015/03/26/u-nas-voobsche-navernoe-ne-budet-massovogo-malogo-biznesa>. — Проверено: 11.11.2017.

Кудрин А. 2016. *Стратегические уроки / Анализ факторов реализации документов стратегического планирования верхнего уровня* / Научн. ред. М.Э. Дмитриев. — СПб: Центр стратегических разработок. — Доступно: <https://www.csr.ru/news/analiz-faktorov-realizatsii-dokumentov-strategicheskogo-planirovaniya-verhnego-urovnya/>. — Проверено: 11.11.2017.

Левинсон А. 2015. Президент, госбезопасность и армия — главные институты в России. — *Ведомости*, 16.02.2015. — Доступно: <http://www.vedomosti.ru/newspaper/columns/2015/02/16/nashe-mi-samie-vliyatelnie-instituti>. — Проверено: 11.11.2017.

Липсет С. 1992. *Размышления о капитализме, социализме и демократии*. — М.: 1992. — Доступно: <http://old.russ.ru/antolog/predely/1/dem2-1.htm>. — Проверено: 07.11.2017.

Лопухин А. «Стратегия-2030»: куда же мы плывём? — *Столетие. Информационно-аналитическое издание Фонда исторической перспективы*, 24.02.2016. — Доступно: <http://www.stoletie.ru/print.php?ID=386104>. — Проверено: 11.11.2017.

Мельников А. 2016. «Мертворожденная» Стратегия-2030. Что мешает власти представить образ России через 15 лет? — *Капитал страны. Федеральное интернет-издание*. 26.02.2016. — Доступно: http://kapital-rus.ru/articles/article/mertvorozhdennaya_strategiya2030_chto_meshaet_vlasti_predstavit_obraz_rossii/. — Проверено: 11.11.2017.

Меркушев В. 2009. Стратегия возвращения российской интеллектуальной элиты. — М.: ЕСПИ.

Мерсиянова И. 2012. Доверие и недоверие в гражданском обществе. — Учёные записки ИМЭИ. — Том 2. — № 1. — С. 24–33.

Мовчан А. 2017. «С каждым таким бюджетом все меньше надежд на перемены». — *Инвест-Форсайт*, 02.10.2017. — Доступно: <https://www.if24.ru/andrej-movchan-byudzhet/#mobile-site-navigation>. — Проверено: 11.11.2017.

Мозжухин А. 2015. «Без демократии у России нет будущего». — *Lenta.ru*, 25.09.2015. — Доступно: <https://lenta.ru/articles/2015/09/25/democracy/>. — Проверено: 11.11.2017.

Моисеев Н. 1994. *Как далеко до завтрашнего дня... Свободные размышления. 1917–1993 гг.* — М., 1994. — Доступно: http://samlib.ru/n/nikita_n_m/moiseev.shtml. — Проверено: 11.11.2017.

Мухаметшина Елена. «Мы поняли, что советский человек никуда не уходит». — *Ведомости*, 24.07.2017. — Доступно: <https://www.vedomosti.ru/politics/characters/2017/07/24/725468-sovetskii-chelovek>. — Проверено: 11.11.2017.

Мушинский М. 2015. Стратегии, концепции, доктрины в правовой системе Российской Федерации: проблемы статуса, юридической техники и соотношения друг с другом. — *Юридическая техника*. — № 9. — С. 488–499. — Доступно: <https://vivliophica.com/articles/law/57154/1>. — Проверено: 11.11.2017.

«Нас ждёт девальвация... 2017. «Нас ждёт девальвация 2014 года». Руслан Гринберг и Андрей Нечаев о будущем российской экономики — *Lenta.ru*, 12.01.2017. — Доступно: <https://lenta.ru/video/2017/01/12/kozuhkhov/>. — Проверено: 11.11.2017.

Некlessа А. 2016а. Созидание будущего. — *НГ*. 18.10.2016. — Доступно: http://www.ng.ru/ideas/2016-10-18/8_future.html. — Проверено: 11.11.2017.

Некlessа Александр. 2016. Будущее как усилие. — *НГ*. 05.10. — Доступно: http://www.ng.ru/ideas/2016-10-05/5_future.html. — Проверено: 11.11.2017.

Некlessа А. 2016. *Нервы мира. Пространства комплексных операций*. — Доступно: <http://politcom.org.ua/?p=11399>. — Проверено: 11.11.2017.

Неяскин Г. Аузан и Капков разработают стратегию развития России на 20 лет вперёд. — *Republic (онлайн-журнал о политике, экономике и бизнесе)*, 09.10.2015. — Доступно: <https://republic.ru/posts/57766>. — Проверено: 11.11.2017.

Никонов Вячеслав. 2014. «Российская матрица». — М.: Русское слово, 2014.

Новый проект... 2014. *Новый проект «Эхо Москвы»: российская элита на оси политических координат*. 08.10.2014. — Доступно: <http://echo.msk.ru/programs/exit/1413520-echo/>. — Проверено: 11.11.2017.

Обретение будущего. Стратегия 2012. — *Институт современного развития*. — М., 2011. — 322 с. — Доступно: http://polit.ru/img/ggl/future2012_15_02_2011.pdf. — Проверено: 11.11.2017.

Озерова М. 2015. Почему в 2017 году в России не будет революции? — *Московский комсомолец*. — № 26879, 07.08.2015. — Доступно: <http://www.mk.ru/politics/2015/08/06/pochemu-v-2017-godu-v-rossii-ne-budet-revolucii.html>. — Проверено: 11.11.2017.

Окара А. 2007. Реприватизация будущего. — *Полития*. — № 1 (44). — С. 27–33. — Доступно: http://www.intelros.ru/2007/07/05/andrej_okara_reprivatizacija_budushhego.html. — Проверено: 11.11.2017.

О чем мечтают россияне: идеал и реальность / Под ред. М.К. Горшкова, Р. Крумма, Н.Е. Тихоновой. 2013. — М.: Весь Мир.

О чем умолчало правительство в отчёте о майских указах. — *РБК*, 17.05.2017. — Доступно: <https://news.mail.ru/economics/29650601/?frommail=1>. — Проверено: 11.11.2017.

Пивоваров Ю. 2016. — Нас ждут трудные времена. — «*Lenta.ru*» — интернет-газета, 25.11.2016. — Доступно: https://lenta.ru/articles/2016/11/25/hard_times/. — Проверено: 11.11.2017.

Политика. 2001. — *Политика: толковый словарь. Русско-английский*. — Москва : ИНФРА-М.

Политическое измерение ... 2010. Политическое измерение российской модернизации. Научный семинар — *Фонд Либеральная миссия*, 22.03.2010. — Доступно: <http://www.liberal.ru/articles/4636>. — Проверено: 11.11.2017.

Политическое проектирование: глобальное, национальное, региональное измерения / Под ред. М.Н. Грачева и Н.А. Борисова. 2016. — М.: Мир философии.

Полтерович В. 2008. Стратегии модернизации, институты и коалиции. — *Вопросы экономики*. — № 4. — Доступно: <http://www.vopreco.ru/rus/redaction.files/4-08.pdf>. — Проверено: 11.11.2017.

Послание Федеральному Собранию Российской Федерации Президента России В. Путина. 2007. — *РГ*, 27.04.2007. — Доступно: <https://rg.ru/2007/04/27/poslanie.html>. — Проверено: 11.11.2017.

Почти 40 процентов... 2017. Почти 40 процентов россиян сообщили о наличии денег. — только на еду. — *Lenta.ru*, 16.03.2017. — Доступно: <https://lenta.ru/news/2017/03/16/rus-roog/>. — Проверено: 11.11.2017.

Прогноз... 2014. *Прогноз научно-технологического развития на период до 2030 г. Утверждён Правительством РФ* 03.01.2014. — Доступно: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70484380/>. — Проверено: 11.11.2017.

Прогнозы... 2014. 2014. Прогнозы 2020. — *РБК*, 23.12.2014. — Доступно: <http://www.rbc.ru/story/54994e529a7947687c4a8ada>. — Проверено: 11.11.2017.

Путин В. 2012. Демократия и качество государства — *Коммерсантъ*, 06.02. — Доступно: <http://www.kommersant.ru/doc/1866753>. — Проверено: 11.11.2017.

Путин... 2016. Путин: национальная идея в России — это патриотизм. — *РИА Новости*, 03.02.2016. — Доступно: <https://ria.ru/society/20160203/1369184806.html>. — Проверено: 11.11.2017.

Путин... 2017. Путин рассказал о главных задачах будущего президента. — *РИА Новости*, 19.10.2017. Доступно: <https://ria.ru/politics/20171019/1507200917.html>. — Проверено: 11.11.2017.

Россия переходит... 2017. Россия переходит во второе потерянное десятилетие. — *НГ*, 04.10.2017. Доступно: http://www.ng.ru/editorial/2017-10-04/2_7087_red.html. — Проверено: 11.11.2017.

Россия XXI века... 2010. Россия XXI века: образ желаемого завтра — *ИНСОР*. — М.: Экон-информ, 2010. — 66 с. — Доступно: http://www.insor-russia.ru/files/Obraz_gel_zavtra.pdf. — Проверено: 11.11.2017.

Рубцов А. 2017. Стратегия дежавю. — *Ведомости*, 26.03.2017. — Доступно: <http://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2017/03/27/682764-strategiya-dezhavyu>. — Проверено: 11.11.2017.

Сасаки М., Латов Ю., Ромашкина Г., Давыденко В. 2010. Доверие в современной России (компаративистский подход к «социальным добродетелям»). — *Вопросы экономики*. — № 2. — С. 46.

Сивкова А. 2014. «Есть Путин — есть Россия. Нет Путина — нет России». — *Известия*, 22.10.2014. — Доступно: <http://iz.ru/news/578379>. — Проверено: 11.11.2017.

Современная российская... 2005. Современная российская интеллектуальная элита. Научный семинар, 27.06.2005. — *Фонд Либеральная миссия*. — Доступно: <http://www.liberal.ru/articles/1228>. — Проверено: 11.11.2017.

Современная Россия... 2017. Современная Россия между вызовами и перспективами. Научный семинар, 14.02.2017 — *Фонд Либеральная миссия*. — Доступно: <http://www.liberal.ru/articles/7146>. — Проверено: 11.11.2017.

Согрин В. 2001. *Политическая история современной России. 1985–2001: от Горбачева до Путина*. — М.: Весь Мир, 2001.

Согрин В. 1994. *Политическая история современной России. 1985–1994, от Горбачева до Ельцина*. — М.: Прогресс-Академия.

Соловьев А. 2015. Государство как проектировщик политических стратегий. — *Политическая наука перед вызовами современной политики. Материалы VII Всероссийского конгресса политологов, Москва, 19–21 ноября 2015 г.* / Под общ. ред. О.В. Гаман-Голутвиной, Л.В. Сморгунюва, Л.Н. Тимофеевой — М.: Издательство «Аспект Пресс». — Электронное издание. — Доступно: <http://www.elib.grsu.by/katalog/528110pdf.pdf?d=true>. — Проверено: 11.11.2017.

Стенограмма... 2017. Стенограмма «Прямой линии» с Владимиром Путиным 2017. — *Российская газета*, 15.06.2017. — Доступно: <https://rg.ru/2017/06/15/stenogramma-priamoj-linii-s-vladimirom-putinym-2017.html>. — Проверено: 11.11.2017.

Стратегия-XXI... 2014. Стратегия-XXI: версия для обсуждения. — *СВОП*. — М., 2014. — Доступно: <http://svop.ru/%D0%BF%D1%80%D0%BE%D0%B5%D0%BA%D1%82%D1%8B/strategy-xxi/9997/>. — Проверено: 11.11.2017.

Сулакшин С. 2016. Русский Кремль, бессмысленный и беспощадный. — *Центр Сулакшина*, 23.03.2016. — Доступно: <http://rusrand.ru/forecast/russkiy-kreml-bessmyslennyu-i-besposhadnyu>. — Проверено: 11.11.2017.

Сурначева Е. 2013. Центр управления демократией. — *Коммерсантъ. Власть*. — № 15, 22.04.2013. — Доступно: <http://www.kommersant.ru/doc/2167169>. — Проверено: 11.11.2017.

Тихонова Н.Е. 2015. Мечты россиян «об обществе» и «о себе»: можно ли говорить об особом российском цивилизационном проекте? — *Общественные науки и современность*. — № 1. — С. 52–63. — Доступно: http://www.isras.ru/files/File/publ/Tikhonova_Mechty_rossiyan.pdf. — Проверено: 11.11.2017.

Тарлавский В. 2015. Стратегии-2020, 2030, 2035 — что дальше? — *Экономика и жизнь*, 28.10.2015. — Доступно: <https://www.eg-online.ru/article/295364/>. — Проверено: 11.11.2017.

Федеральный закон 2014 — ФЗ № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации», 28.06.2014. — Доступно: <https://rg.ru/2014/07/03/strategia-dok.html>. — Проверено: 11.11.2017.

Фомченков Т. 2016. Заглянуть в 2030-й. — *Российская газета — Федеральный выпуск № 6904 (36)*, 18.02.2016. — Доступно: <https://rg.ru/2016/02/18/mihail-abyzov-razvitie-rossii-nebudet-nikогда-odnobokim.html>. — Проверено: 11.11.2017.

Хазин М. 2012. Мир на пороге новых времён. — *Интернет-ресурс*, 22 07 2012. — Доступно: <http://worldcrisis.ru/crisis/1000041>. — Проверено: 11.11.2017.

Цветкова Роза. 2017. Наталия Зоркая: «Люди привыкают к институциональному насилию». — *НГ-Политика*, 17.01.2017. — Доступно: http://www.ng.ru/ng_politics/2017-01-17/9_6904_zorkaya.html. — Проверено: 11.11.2017.

Цели развития... 2010. *Цели развития тысячелетия в России: взгляд в будущее. Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации*. — М., 2010. — 156 с. — Доступно: http://www.undp.ru/nhdr2010/National_Human_Development_Report_in_the_RF_2010_RUS.pdf. — Проверено: 11.11.2017.

Число бедных... 2017. Число бедных в России выросло на два миллиона человек. — *Lenta.ru*, 28.06.2017. — Доступно: <https://lenta.ru/news/2017/06/28/poor/>. — Проверено: 11.11.2017.

Шароян С. 2016. Греф причислил Россию к «странам-дауншифтерам». — *РБК, Экономика*, 15.01.2016. — Доступно: <http://www.rbc.ru/economics/15/01/2016/5698b96c9a7947773e662209>. — Проверено: 11.11.2017.

Шубенкова А. 2014. *Программно-стратегические документы в государственной политике Российской Федерации: институциональный анализ*. — М.: ВШЭ. — Доступно: <https://www.hse.ru/sci/diss/126036383>. — Проверено: 11.11.2017.

Ясин Е. 2010. Реформы и контрреформы. — *Forbes*, 09.06.2010. — Доступно: <http://www.forbes.ru/column/50952-reformy-i-kontreformy>. — Проверено: 11.11.2017.

Ясин Е. 2011. *Сценарии развития России на долгосрочную перспективу*. — М.: Фонд «Либеральная миссия», 2011. — Доступно: http://www.liberal.ru/upload/files/scenarii_yasin_light.pdf. — Проверено: 11.11.2017.

Чаблин А. 2013. Общество должно контролировать власть. — *Открытая (Ставрополь)*. — № 46 (589). — Доступно: <http://www.opengaz.ru/issues/46-589/obschestvo-dolzno-kontrolirovat-vlast.html>. — Проверено: 11.11.2017.

«Человек... 2016. «Человек политический». Перечитывая Липсета. — *Фонд Либеральная миссия. Научный семинар*. 29.04.2016. — Доступно: <http://www.liberal.ru/articles/7036>. — Проверено: 11.11.2017.

Шульман Е. 2015. Фракции, комитеты, аппарат: участие в парламентских партий в законодательном процессе. — *Политическая наука*. — 2015. — № 1. — С. 172–185.

Ansell C., Alison G. 2008. Collaborative Governance in Theory and Practice. — *Journal of Public Administration Research and Theory*. — No. 18 (4).

Democracy Index 2016. Revenge of the “deplorables”. — *A report by The Economist Intelligence Unit*. — Доступно: <http://felipesahagun.es/wp-content/uploads/2017/01/Democracy-Index-2016.pdf>. — Проверено: 11.11.2017.

Public Governance Indicators: A Literature Review. United Nations, Department of Economic and Social Affairs. — *United Nations*, New York, 2007. — Доступно: <http://unpan1.un.org/intradoc/groups/public/documents/UN/UNPAN027075.pdf>. — Проверено: 11.11.2017.

What is... 2009. What is Good Governance? — *United Nations Economic and Social Commission for Asia and the Pacific*, 10.06. 2009. — Доступно: <http://www.unescap.org/sites/default/files/good-governance.pdf>. — Проверено: 07.11.2017.

World Press... 2017. World Press Freedom Index 2017. — *Reporters without borders for Freedom of Information*. — Доступно: <https://rsf.org/en/ranking>. — Проверено: 11.11.2017.

Индекс персоналий

Аузан А.А. — д.э.н., декан и заведующий кафедрой прикладной институциональной экономики экономического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, член Экономического совета при Президенте РФ, президент Института национального проекта «Общественный договор», и член Экспертного совета при Правительстве РФ.

Бунин И.М. — к.и.н., д.п.н., президент независимого фонда «Центр политических технологий».

Волков Денис — социолог, руководитель Отдела развития Левада-центра.

Гонтмахер Е.Ш. — д.э.н., профессор. Заместитель директора по научной работе Института мировой экономики и международных отношений, член Правления Института современного развития, член Комитета гражданских инициатив.

Греф Г.О. — президент и председатель правления Сбербанка России, экс-министр экономического развития и торговли РФ (2000–2007 гг.). Председатель совета Центра стратегических разработок.

Гринберг Р.С. — д.э.н., член-корреспондент РАН, директор Института экономики РАН (2005–2015 гг.).

Гудков Л.Д. — д.филос.н., директор Аналитического центра Юрия Левады (Левада-Центра) и главный редактор журнала «Вестник общественного мнения».

Даль Р. (17.12.1915 – 5.02.2014) — американский политолог, один из основоположников концепции плюралистической демократии, профессор Йельского университета.

Дахин А.В. — д.филос.н., зав.кафедрой философии и политологии, Нижегородский институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы. Руководитель исследовательского комитета (РАПН),

Зоркая Нина — руководитель Отдела социально-политических исследований Левада-Центра.

Иноземцев В.Л. — экономист, социолог и политический деятель. Д.э.н., основатель и директор Центра исследований постиндустриального общества, автор более 300 печатных работ, опубликованных в России, Франции, Великобритании и США.

Клейнер Г.Б. — д.э.н., член-корреспондент РАН, профессор кафедры математических методов анализа экономики экономического факультета МГУ, научный руководитель стратегических инициатив и проектов научно-интеграционного объединения «АБАДА», заместитель директора Центрального экономико-математического института РАН.

Колесников А.В. — политолог, журналист, руководитель программы «Российская внутренняя политика и политические институты» Московского Центра Карнеги.

Кудрин А.Л. — председатель Совета ЦСР, экс-министр финансов в Правительстве РФ (2000–2011 гг.). Главный научный сотрудник Института экономической политики им. Е.Т. Гайдара, член Редакционного совета журнала «Экономическая политика» и портала «Экономическая политика», декан факультета свободных искусств и наук Санкт-Петербургского государственного университета, председатель «Комитета гражданских инициатив».

Некlessа А.И. — политолог, экономист, руководитель Московского теоретического семинара «Глобальное сообщество: изменение социальной и культурной парадигм». Заместитель директора Института экономических стратегий (ИНЭС) при Отделении общественных наук РАН, заведующий Лабораторией геоэкономического анализа и проблем социального развития Института Африки РАН.

Макаренко Б.И. — политолог, председатель правления Центра политических технологий, директор общественно-политических программ развития Института современного развития.

Мау В.А. — д.э.н., профессор, ректор РАНХиГС. Член Президиума экономического совета при Президенте РФ, член правительственной комиссии по экономическому развитию и интеграции.

Мерсиянова И.В. — к.с.н., Директор Центра исследований гражданского общества и некоммерческого сектора, зав. кафедрой Факультета социальных наук НИУ-ВШЭ.

Моисеев Н.Н. (1917–2000) — академик Академии наук СССР (РАН), основатель и руководитель целого ряда научных школ, руководитель исследований по разработке математической модели экологических последствий ядерной войны (т. н. «ядерная зима»), повлиявшими на заключение договоров между СССР и США на ограничение гонки ядерных вооружений.

Пивоваров Ю.С. — политолог и историк, д.п.н., академик РАН, профессор МГУ, МГИМО и РГГУ. Директор (1998–2015) и затем научный руководитель Института научной информации по общественным наукам РАН.

Согрин В.В. — д.и.н, профессор МГИМО. Руководитель Центра североамериканских исследований Института всеобщей истории РАН, главный редактор журнала «Новая и новейшая история», главный редактор журнала «Общественные науки и современность» (1987–2014).

Соловьев А.И. — д.п.н., профессор, заведующий кафедрой политического анализа МГУ. Вице-президент РАПН.

Сулакшин С.С. — д.физ.-мат.н., д.п.н., профессор. Генеральный директор Центра научной политической мысли и идеологии (Центра Сулакшина).

Тарлавский В.Э. — д.э.н., профессор. Руководитель аналитического центра еженедельника «Экономика и жизнь».

Тихомиров Ю.А. — д.ю.н., профессор, член-корреспондент Международной академии сравнительного права. Первым заместитель директора Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, директор Института правовых исследований НИУ ВШЭ.

Тихонова Н.Е. — д.с.н., главный научный сотрудник Центра комплексных социальных исследований ИС РАНЭ профессор-исследователь НИУ-ВШЭ, автор более 400 научных работ, в том числе опубликованы в различных странах мира.

Хазин М.Л. — российский экономист, аналитик, политолог, автор сайта Worldcrisis.ru.

Ядов В.А. (1911–2015) — советский и российский социолог, д.филос.н., профессор. Директор Института социологии РАН (1988–2000 гг.), с 2000 г. — декан факультета социологии Государственного академического университета гуманитарных наук

Ясин Е.Г. — государственный и общественный деятель, экс-министр экономики в Правительстве РФ (1994–1997 гг.), научный руководитель НИУ-ВШЭ, Президент фонда «Либеральная миссия».